

Александр Тамоников

ГРОЗОВЫЕ ВОРОТА-2

Те, кто выжил

Грозные ворота

Александр Тамоников

Те, кто выжил

«ЭКСМО»

2006

Тамоников А. А.

Те, кто выжил / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2006 — (Грозные ворота)

О подвиге Пятой роты знают все. В последнюю чеченскую кампанию сто пятьдесят человек удерживали позиции в неравном бою и почти все погибли, вызвав огонь на себя. Но и через пять лет после кровавых событий еще не остыла земля. Костолом, командир банды наемников, которая атаковала позиции Пятой роты, теперь захватил поселок Звездный и устроил там резню. Об этом узнали уцелевшие бойцы Пятой роты – командир спецназа Шах и трое солдат. Костолом – кровник Шаха, им двоим нет места на одной земле. И бывшие бойцы легендарной роты сочли, что должны принять еще один, быть может, последний бой...

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	28
Глава четвертая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Тамоников

Те, кто выжил

Часть первая

Глава первая

«Уазик» лейтенанта милиции Николая Горшкова, миновав паромную переправу, вышел на грунтовую дорогу, ведущую через балку, в объезд мелкого озера к деревне Семенихе, где офицер проходил службу в качестве участкового уполномоченного. Весенняя распутица превратила грунтовку в сплошное грязевое месиво, но армейский вездеход, хоть и с надрывом, справлялся с ним. «УАЗ» бросало из стороны в сторону, но он неуклонно продвигался вперед. В деревне, стоявшей на плоской возвышенности, «УАЗ» пошел веселее. Здесь глина сменилась песком, и препятствия возникали только в виде луж на центральной улице то слева, то справа, то полностью перекрывая дорогу. Но не было липкой, вязущей грязи, а что такое лужи для внедорожника? Пустяки. На них Горшков не обращал никакого внимания. Возле здания бывшего сельсовета, а ныне местной администрации, остановился, поставив «УАЗ» под навес.

Почти напротив, за церковью, метрах в ста находилась его усадьба. Точнее, усадьба его родителей. Но Николай не пошел домой, где ждал горячий ужин, умело и вкусно приготовленный матерью, и отец с бесконечными вопросами о том, почему какая-то кучка непонятно откуда взявшихся богатеев вдруг и быстро захватила то, что ранее принадлежало всему народу. Отец слыл большим любителем поболтать на политические темы, вполне владея ими, на свой лад, естественно, так как не пропускал практически ни одной аналитической телевизионной программы. А уж выпуски новостей для Ивана Степановича являлись событиями особого ранга. Тут уж отцу лучше не мешать. Пусть смотрит и по-своему комментирует ту или иную ситуацию. Впрочем, футболом Горшков-старший интересовался не меньше. И еще... войной в Чечне. На последнее у Ивана Степановича были особые причины.

Взглянув в сторону дома и забрав из машины пакет, лейтенант прошел к дверям сельской администрации. Постучал. Сторож, дед Потап, выглянул на стук в окно, спросил:

– Это ковой-то принесло?

Узнал Николая:

– А?! Участковый! Щас открою!

Дверь распахнулась, сторож поинтересовался:

– Че так поздно, гражданин начальник?

– Какой я тебе, дед, гражданин?

– Как какой? Какой-никакой, а представитель власти. Новой власти. А при ней и не знаешь, как к начальству обратиться: назовешь товарищем, скривится, нашелся тоже товарищ – гусь свинье не товарищ, скажешь «господин», в ответ: «Какой еще господин?» Вот и остается гражданин. Не товарищ, не господин!

Николай улыбнулся:

– Ты, дед, как мой отец! Тому тоже дай только волю, сутками рассуждать готов! И что вас на старости лет тянет философствовать?

Сторож резонно заметил:

– Доживешь до наших лет, узнаешь! Твой родитель хоть и помладше меня, но мужик разумный. Правильно оценивает ситуацию. Скажи, кто ответит нам за то, что стали мы ненужным балластом в собственной стране? И за то, что с этой страной демократы сделали?

– Вот демократы, за которых, дед, и ты, и твои сверстники, и мой отец на выборах голосуете, и ответят. Если, конечно, пожелают услышать ваши вопросы! Но ладно, с тобой тут можно до полуночи проторчать впустую, а у меня еще дела!

– Что, преступление какое раскручиваешь? Только я не слышал, чтобы чего такого в округе чрезвычайного произошло! Может, просветишь, если не секрет?

Лейтенант решил разыграть сторожа:

– Да какой, дед, секрет? Помнишь, в лесу воинская часть стояла?

Старик сморщил лоб:

– Эта та, что с локаторами? Километрах в двадцати от деревни? Ее расформировали года два назад!

– Точно! Расформировать расформировали, вроде вывезли все имущество, а недавно выяснилось, что главное забрать забыли!

– И че забыли?

Николай нагнулся к старику, прошептал на ухо:

– Атомную бомбу!

Брови деда Потапа полезли вверх.

– Да ты что? Это как же? Бомбу и забыли?

– Вот и выясняем, как!

Сторож уловил в голосе участкового нотки насмешки, сообразил, что к чему:

– Разыграл, да? Над стариком посмеялся, да? Орел!

– Обиделся, что ли? Извини, не хотел! Но ты сам напросился!

– Да иди ты, Колян... в свой кабинет. А еще офицер, Герой России! Все пацаном остаешься!

– А мне, дед, стареть ни к чему. Придет время, если доживу, конечно, состарюсь.

– Уж этого никак не миновать! – Старик вздохнул. – Жизнь такая штука! Суетишься, чего-то стараешься сделать, добиться, а подумать – к чему? Конец-то для всех один: и для олигарха, и для самого никудышного нищего. Для всех одна последняя квартирка в земле сырой!

– Ну, ты уж совсем в пессимизм ударился! Иди лучше в свою каморку, скоро новости по НТВ пойдут!

Сторож посмотрел на часы:

– И то правда! Я дверь закрывать не стану. Будешь уходить, загляни, чтоб запереть здание, как положено!

– Загляну!

Горшков пошел по коридору, где в самом конце, справа, находились две его комнаты. Одна, оборудованная под кабинет, другая – под камеру предварительного заключения. Последней, впрочем, Николай еще ни разу не воспользовался, хотя проверял ее состояние не реже одного раза в неделю.

В кабинете выставил на стол из пакета бутылку водки, полбуханки хлеба, палку сырокопченой колбасы. Достал из шкафа граненый стакан и кухонный нож. Порезал хлеб с колбасой, отвинтил крышку с литровой бутылки, налил полный стакан водки.

Присел за стол, подвинул к себе телефонный аппарат. Набрал код и номер телефона, который помнил наизусть. После непродолжительной паузы услышал девичий голос:

– Аллю!

Николай спросил:

– Вика?

– Да! А кто вы?

– Дядя Коля Горшков, добрый вечер!

– Добрый вечер.

– Родители чем занимаются, Вика?

Девочка ответила:

– А вон папа Саша уже на коляске едет.

Через секунды:

– Горшков? Привет, дружище!

– Здравствуйте, командир! Как самочувствие? Помощь какая не требуется?

– Нет, Колян, спасибо, у нас все нормально!

– Протезы еще не сделали?

– Обещают на днях подвезти. А мне вроде как и страшно, привык уже без ног и без руки!

– Это вы, Александр Владимирович, перестаньте. Огонь на себя вызвать не испугались, а каких-то протезов опасаетесь. Поначалу, может, и неудобно будет, у нас тут в деревне мужик один под косилку попал, тоже ног лишился и тоже к протезам привыкал непросто. Но привык, сейчас на свадьбах даже в пляс пытается пуститься, когда пережрет, конечно. Так ему непросто было, потому как он простой мужик, а вы офицер!

Доронин, бывший командир роты, в которой служил Горшков, ответил:

– Ты прав, Колян, прорвемся!

– Не то слово! Ребята уже звонили?

– Костя Ветров с женой звонили, а Гольдин приехал, дня два погостит у нас. Мы как раз только за стол сели!

– Голь подкатил? Это хорошо. Привет ему! Ну что, помянем наших ребят, товарищ старший лейтенант!

Доронину за бой в Чечне присвоили звание Героя России и капитана, но бывшие солдаты роты по старинке обращались к нему по званию, который ротный носил в годы их службы.

– Да! Жаль, что вместе собраться не можем, но ничего, даст бог, свидимся!

Горшков пообещал:

– Конечно, свидимся. В отпуск обязательно к вам приеду! Глядишь, и Костя выберется!

Доронин сказал:

– Рад буду встретить вас! Ну, ладно, Коль, покатыл я к столу. Выпьем с Гольдиным за пацанов наших погибших.

– Давайте. А я здесь, у себя, помяну их. Привет супруге, командир, и до встречи!

– До встречи, Коль!

Лейтенант милиции положил трубку на рычаги старого телефонного аппарата, взял в руки стакан. Задумался. Пять лет прошло с того времени, как у Косых Ворот, отбивая натиск многотысячной орды боевиков Теймураза-Костолома, Рашидхана, Окулиста и уничтоженных капитаном Егоровым наемников Хабиба, героически погибла пятая рота старшего лейтенанта Доронина. Немногим удалось выжить в той бойне, по пальцам пересчитать можно. Удалось выжить и Горшкову, правда, он плохо помнил, как оказался в госпитале, потеряв сознание от ранений на своей последней позиции, прикрывая вместе с Костей Ветровым отход малочисленной группы своих раненых, но еще способных передвигаться товарищей. Пять лет прошло, а картины тех страшных суток часто вставали перед глазами Николая, особенно во сне, ближе к утру, заставляя вскакивать с мокрых от пота простыней и искать автомат или пулемет, чтобы вести огонь. Вот и сейчас отдельные эпизоды того затянувшегося на сутки изнурительного смертельного боя вновь всплыли перед лейтенантом, словно он сидел не в мирной деревне, а находился вместе с Костей Ветровым в стрелковой ячейке окопа Большой высоты. Горшков опрокинул в себя стакан, совершенно не почувствовав горечи водки. Бросил в рот кусок колбасы и ломтик хлеба. Прожевав, закурил.

Начались те трагические события с прибытия в заданный район роты старшего лейтенанта Доронина и взвода десантников капитана Егорова. Как сейчас Николай слышал четкие слова приказа ротного:

– Запомните, с этого момента мы с вами на выполнении боевой задачи. Оружие, бронжилеты и каски держать при себе. В первую очередь оборудуйте индивидуальные ячейки для ведения огня стоя. Затем ходы сообщения, пока насколько успеете, до наступления темноты. Первый взвод у нас обоснуется на Малой высоте, и оборудовать ее начнет завтра. Сегодня же взвод должен сделать блиндаж для укрытия личного состава. Филонить не имеет смысла, ибо чем быстрее мы укроемся, тем больше будет у нас шансов сохранить свои головы. Враг реально может быть рядом, и не только наблюдать. Так что попрошу осознать это и работать быстро, как только можно. Режим следующий – пятьдесят минут работ, десять – отдых. Будьте внимательны и посматривайте, что происходит вокруг. Все! Не будем терять время. Командиры взводов, ведите личный состав на высоту, там сержант-сапер объяснит схему построения обороны. Выполнять!

Рота с полной выкладкой, повзводно, начала подъем на высоту.

Ночь в горах наступает быстро. Только что светило солнце, открывая цветущие зеленые склоны и белоснежные неприступные вершины. Но стоит светилу спрятаться за горизонт, как картина резко меняется. То, что еще недавно радовало глаз, становится неприветливым, одно-тонно-серым, даже угрожающе враждебным. Первый одинокий всхлип укрывающегося где-то среди камней шакала сразу подхватывается его сородичами, и кажется, этот вой, плач, смех, крик окружает тебя со всех сторон, вызывая тревогу. Становится неуютно и одиноко, несмотря на то что ты не один. Это ощущение пройдет чуть позже, когда во всей красе раскроется звездный небосклон, необъятный и близкий отсюда.

Долгая, тяжелая работа валила солдат с ног. Некоторые, отработав очередные пятьдесят минут, через короткий промежуток расслабляющего отдыха просто не находили в себе сил встать и продолжить долбить ненавистный камень. Но и оставаться на месте – значит показать, что ты слаб, что ты хуже, слабее других. Ведь другие работают? И через силу вставали, чтобы вновь, взяв в руки ломы, кирки и лопаты, вгрызаться в каменный грунт. Колян работал вместе с Костей, оборудуя пулеметное гнездо.

Видя, что друг устал, Николай сменил его, что-то рассказывая в ходе работы о своей деревенской жизни, пока Костя не уронил голову на грудь, уснув прямо на камнях.

Оборудование опорного пункта продолжалось почти двое суток. Наконец он приобрел надлежащий вид. Для боевых машин десанта (БМД) приданного роте взвода спецназа соорудили капониры. По общему решению боевые машины не стали вкапывать глубоко, превращая в стационарные огневые точки, оставив возможность применения по прямому назначению. Позиции накрыли камуфляжной сетью. Установили порядок несения службы. И начались будни.

Из караула в караул проходили дни. И вот уже неделя позади, и пообвыкли все, но службу несли бдительно. Бойцы Егорова часто ходили в разведку, особых новостей не принося. Прибыли три машины взвода обеспечения, пополнив запасы. Жизнь вошла в обыденное спокойное русло. Война не ощущалась – никто нигде не стрелял, только раскаты грома иногда напоминали отдаленную канонаду. И хотелось, чтобы так продолжалось если не вечно, то хотя бы три месяца командировки...

Горшков налил еще полстакана и прикурил новую сигарету, затушив окурочек предыдущей.

Как-то утром в горы ушел Шах – чеченец, сопровождавший роту и охотившийся за арабом Хабибом, погубившим его семью. Семья в недавнем прошлом офицера Советской армии, орденосца и... сторонника Дудаева. Он не воевал против чеченцев, его врагом не были федеральные войска, Шах уничтожал только наемников, ради денег пришедших убивать людей

на его землю. Шах! Красивый, статный, сильный, гордый и одинокий чеченец! Он с помощью ребят Егорова все же достал Хабиба. Мечь свершилась. А затем, столкнувшись в горах с многочисленной ордой духов, увел боевиков за собой. Увел от обессиленной группы капитана-десантника. Егоров вышел к своим. Шаха считали погибшим. Но он вернулся. И не один. Притащил с собой еще пару пленных.

Первые потери. Уже в роте Доронина. Перед тем, как объявился Шах. Вражеский снайпер свалил двух ребят, контролировавших «зеленку», откуда появления бандитов не ждали. Но главное началось позже. Первый удар приняли на себя десантники, устроившие позиции непосредственно на склонах ущелья. Спецназ отбил, тогда духи пошли в обход Ворот в балку за Малой высотой. И пошли, прикрываясь живым щитом, двумя десятками безоружных чеченцев. Бандиты гнали их впереди на случай наличия минных полей. Чтобы подорвались заложники, отведя опасность от боевиков. Изуверская тактика, присущая бандитам. Доронин не мог допустить подобного беспредела, и бойцы роты сумели отсечь заложников от боевиков, уничтожив последних атакой боевых машин пехоты.

Колян вспомнил, как сам впервые столкнулся с моджахедами, и произошло это ночью... Как это было?

Гроза приближалась быстро. Вскоре начался дождь. Ослепительные вспышки молний, сопровождаемые оглушительными раскатами грома, бесновались, казалось, непосредственно над позициями. Николай находился в своем окопе. Ему и Косте Ветрову досталась предупредительная смена. Укутавшись в плащ-палатки, друзья несли боевое дежурство. Бушующая стихия осложняла выполнение задачи. После очередной ярко-белой вспышки и пушечного громового удара Колян невольно присел. Он с детства боялся грозы, но не хотел, чтобы напарник, внешне спокойно реагирующий на буйство природы, заметил это. Костя, дабы скоротать время, попросил Николая рассказать еще что-нибудь из прежней, гражданской жизни. Горшков поведал напарнику о том, как с другом детства Тихонком травил на картофельном поле колорадского жука. Они тогда дозировку перепутали да сожгли жука вместе с ботвой, уничтожив поле. И вот в конце рассказа Ветров, продолжавший вглядываться в темноту, на камни и валуны, разбросанные перед входом в ущелье, иногда ярко освещаемые мгновенными вспышками молний, перебил Николая:

– Мне кажется, Коль, что-то между камней передвигается.

Горшков удивился и тоже внимательно присмотрелся в проход между скалами. Очередная вспышка ослепила его, а раскат заставил вздрогнуть, поэтому он сказал:

– Нет там никого! Это у тебя глюки. Ты смотри подольше, скоро и вершины в пляс пойдут.

Но Константин стоял на своем:

– Да говорю тебе, есть там кто-то!

Колян спросил:

– Да где?

– Меж камней!

Горшков вновь всмотрелся в горы... и увидел, как валуны медленно перемещаются по минному полю. Это означало одно: духи, применив маскировку, снимали мины. Николай отправил Костю на командно-наблюдательный пункт, продолжив наблюдение. Вдруг один «валун» приподнялся, в нем угадывался человек. Этот человек подал какой-то сигнал рукой, и тогда Николай с криком «Духи!» дал очередь из пулемета. Боевики, поняв, что обнаружены, поднялись во весь рост и начали отходить в ущелье. А Горшков все стрелял. Его поддержал пулемет соседней высоты. Потом появился командир роты и поблагодарил Коляна с Ветровым за бдительность.

К роте примкнул еще один взвод пехоты. К БМД прибавились еще и боевые машины пехоты (БМП). Командовал подразделением немолодой капитан Ланевский.

Затем, через какое-то время, взорвалась «зеленка» справа от Большой высоты. Лесной массив содрогнулся и окутался огненными грибами многочисленных взрывов. Оглушительный грохот лишил личный состав на некоторое время способности что-либо понимать. От мощного, практически, одновременного разрыва, казалось, расколется черепа. Внезапность, неожиданность и, главное, необъяснимость произошедшего внесли в ряды бойцов растерянность.

Солдаты упали на дно окопов, подсознательно помышляя больше о сохранении собственной жизни, чем о чем-то другом. Но быстро пришли в себя офицеры. Кто-то из них объяснил, что духи применили ликвидаторы минных полей, так как «зеленка» также была ранее предусмотрительно заминирована. Получалось, что и в лес за Большой высотой проникли бандиты. Десант во главе с сержантом-контрактником Голиковым пошел на поиск врага, но попал в засаду. Выйти из боя десантники не смогли. И тогда ротный вызвал огонь артиллерийского дивизиона на массив!

Корректировщик оперативно определился с целью, связался со штабом дивизиона. Спустя несколько минут над высотами прошелся легкий шелест и лес вздыбился от разрывов мощных снарядов. Первая волна артналета практически без перерыва сменилась второй, третьей, превращая массив в горящий ад, выхода из которого не было никому. Огонь велся настолько плотно и близко от позиций, по всему фронту «зеленки», что личному составу пришлось укрыться в траншеях. Налет длился не более пяти минут. Затем наступила тишина, только клубы дыма от горящей древесины и ядовитая пороховая гарь густым туманом накрыли то, что недавно называлось «зеленкой». Хотели вынести останки десантников, но Доронин отложил выход. Позже уже было не до погибших ребят группы Голикова.

Боевики предприняли первый прямой штурм высот, вновь применив изуверскую тактику – гнать перед собой безоружных, вероятно, пленных мирных чеченцев. Слышны были короткие, как выстрелы, команды на чужом, непонятном языке. Николай припал к пулемету. Руки немного дрожали. Он ждал. Ну еще шаг шеренги, выгнанной из ущелья, еще, никак не решался Колян нажать на спусковой крючок. Шаг был сделан – и с высот открыли огонь. Сначала пулемет с Малой, потом автоматы с Большой, пока не начали стрелять со всех сторон. Николай, повинувшись общему порыву, дал длинную очередь. И стрелял он в безоружных людей. И отчетливо видел, как падают пораженные свинцом несчастные, но продолжал стрелять, пока в проходе не прекратилось движение.

В воздухе пророкотали вертолеты. Три «Ми-24». Зайдя со стороны аула, прошли над высотами, разделились. Две машины нацелились на Ворота и ущелье за ними, одна пошла туда, где группа десанта наблюдала скопление боевиков. Летчики хорошо знали реальную обстановку и с ходу открыли огонь НУРСами – неуправляемыми реактивными снарядами. Значит, видели противника. То же самое сделал и третий вертолет. Обогнув скалу и выйдя непосредственно на боевиков, он ударил по бандитам всеми своими огневыми средствами.

Костя с напряжением следил за действиями летчиков. И это было объяснимо. Когда-то вот так, на такой же боевой машине, его отец воевал в Афганистане, где и погиб...

С земли к одному из вертолетов метнулась молния, и он мгновенно вспыхнул и, разваливаясь на части, рухнул вниз. Прозвучавший взрыв ввел Костю в ступор. Как же это так? Только что был вертолет, был экипаж... а теперь ни машины, ни людей. Второй, так же подбитый вертолет, окутанный клубами черного дыма, но еще державшийся в воздухе, уходил от ущелья. Пилот пока держал управление, но машина горела, и долго летчик протянуть не мог. Третья машина, прикрывая своего раненого собрата, огрызалась пушечным огнем. Вдруг в небе раздался взрыв. Не дотянул пилот второй «вертушки» до подходящей для аварийной посадки площадки. Машина рванула, так и не коснувшись земли. Оставшийся невредимым третий «Ми-24» развернулся и, набирая высоту и скорость, ушел под нависшие над плоскогорьем свинцовые облака.

На позицию Коляна и Кости вышел Доронин, приказал:

– В случае чего метаться не надо! Даже если с тыла пойдет атака противника. У вас свой сектор, вот его и держите. Поняли?

– Так точно.

Старший лейтенант печально улыбнулся:

– Ну, давайте, братки, держитесь! Вы наш ротный авангард!

Горшков опрокинул второй стакан. Закурив очередную сигарету, вновь мысленно вернулся к Косым Воротам...

Две БМП Ланевского, взревев мощными двигателями, рванулись за скалу, к началу балки. Но не учли командиры, а горный пост не заметил, что за большим валуном, под самой скалой, враг, извлекая урок из первого рейда боевых машин, организовал ловушку, четко просчитав возможные решения офицеров. Как только боевые машины пехоты вышли к балке, оттуда ударили гранатометы. Кумулятивные гранаты легко прожгли броню, создав внутри машин огромное давление и температуру, что вызвало детонацию боекомплекта, и в считанные секунды две грозные БМП превратились в оплавленный металлолом. Экипажи погибли мгновенно. Все это произошло на виду горной огневой точки, но десантники ничем не могли помочь своим товарищам. Даже отомстить. Позиция гранатометчиков находилась в мертвой, недостижимой для поста зоне.

После наступило тягучее, гробовое молчание.

Николай внимательно следил за Косыми Воротами. Рядом находился его друг, Костя Ветров. Время приближалось к полудню. После короткого перерыва опять пошел дождь и поднялся ветер. Сколько продлится затишье перед новым боем, не знал никто.

Оно продолжалось недолго. Бандитам необходимо было в один день сбить противника с высот и выйти на равнину, чтобы прорваться к крупным населенным пунктам и устроить там бойню, что и являлось их стратегической задачей.

Позицию роты внезапно обстреляли непонятно откуда появившиеся у боевиков минометы. Обстрел длился недолго и не принес какого-либо серьезного ущерба личному составу. Может, поэтому и прекратился так же внезапно, как начался. Но он явился прелюдией очередной атаки.

Как только рассеялся дым, смешанный с гарью, Николай, приподняв голову, выглянул наружу и тут же увидел наступающих моджахедов.

Он выбросил ствол пулемета на бруствер, не выставляя сошек, и, прицелившись, дал очередь. Коля стрелял и ругался. Как только мог.

Весь опорный пункт открыл огонь. Боевики, короткими перебежками, от валуна к валуну, подкатывали все ближе, неся большие потери. Но из прохода вывалила очередная партия духов, и, несмотря на плотный огонь, враг неумолимо приближался.

По приказу Доронина ударили зенитные установки. Отрывисто и хлестко стреляли пушки боевых машин. В небе вновь противно завывало, и на позиции обрушилась очередная порция мин, заставляя обороняющихся на время прекратить огонь и укрыться. Только орудия БМП и боевых машин десанта продолжали стрелять, сдерживая наступательный порыв атакующих. Одна из мин попала прямо в зенитную установку Большой высоты, разворотив ее. А может, это была и не мина, но, как бы то ни было, зенитки больше не существовало, как и ее расчета. Малая высота перенесла огонь на балку, откуда также появились боевики. Они перебежками пытались пробиться на расстояние метания ручных гранат, но, попав под обстрел и выйдя на полосу минного поля, понесли потери и вернулись в балку.

Основная же масса бандитов валила из Косых Ворот непрерывно. Мощи ротного опорного пункта явно не хватало для полного отражения наступления тысячной орды моджахедов.

Укрывшиеся за валунами, снайперы духов выхватывали из траншей головы солдат и метко поражали их. Делали свое дело и многочисленные осколки расколотых пулями камней. Николай хорошо помнит, как один из бойцов с диким воплем откинулся от бруствера на противоположную стенку окопа. Все его лицо было разбито каменной крошкой, глаза вытекли, и боец кричал от боли и отчаяния.

Рота несла потери.

А дождь все продолжался.

И эту атаку отбили. Колян опустился на дно окопа, прикурил сигарету.

Лейтенант налил третий стакан, выпил за тех, кто навсегда остался в Чечне.

Поднялся, прошел по кабинету. Да, и ту атаку тогда сумели отбить. А вот во время короткой передышки произошло то, что Николай до сих пор помнил настолько ясно, словно оно произошло вчера. А произошло следующее...

Из-за поворота траншеи показался Гольдин, сержант их роты. Во время налета одна из мин разорвалась за бруствером, рядом с сержантом, и контуженый командир отделения плохо соображал или не соображал совсем, что делает.

Он шел, тихо считая: двадцать два, двадцать три, двадцать четыре... при этом глаза его были затуманены и чернели пустотой.

Колян крикнул:

– Эй, Голь? Крышу потерял? Че лопочешь-то?

Сержант не ответил. Подойдя к ячейке Горшкова, о чем-то подумал и вдруг рывком перемахнул через бруствер и оказался на открытом склоне.

– Куда, дурила? – успел только выкрикнуть Николай.

Из-за валунов ударила очередь. Пули, перебив ноги сержанта, заставили того упасть. Понимая, что Гольдина вот-вот убьют, Колян выпрыгнул из окопа и подкатился к сержанту. Высоты открыли шквальный огонь, прикрывая действия Горшкова. И Николаю удалось втащить пришедшего в себя Михаила в траншею, все же получив свою пулю в спину. Спас бронжилет.

Почему тогда Колян бросился спасать сержанта, в гарнизоне издевавшегося над молодыми солдатами? На этот вопрос Горшков и сейчас не находил ответа. Наверное, потому, что по-иному он просто поступить не мог.

Следующая атака началась так же неожиданно. Боевики по команде вскочили и с криками «Аллах акбар!» ринулись вперед. И вновь из прохода повалила толпа. На этот раз бандиты сменили тактику. Штурм они перенесли на Малую высоту. Как только защитники высоты перевели огонь во фланг, в сторону Ворот, моджахеды вышли из балки. Перевес противника оказался значительным. Старший лейтенант Доронин решил убрать бойцов с Малой высоты, в который уже раз вызвав огонь дивизиона.

В это время роковую ошибку допустил старший лейтенант Панкратов, прикрывавший с отделением участок местности перед аулом. Он повел подразделение на помощь роте к высотам, оголив тыл. А от аула вдруг пошел ранее не обозначавший себя, видимо, резервный отряд противника. Панкратов понял, КАКУЮ совершил ошибку! По сути, на своих плечах он тащил врага к позициям роты, да еще с фланга. И, поняв это, остановился. Старший лейтенант имел в полку репутацию стукача, подхалима замполита, лизоблюда, готового ради карьеры продать любого. У него и друзей-то не было. Но в критический момент Панкратов все же вспомнил о том, что он офицер. Старший лейтенант вытащил две гранаты «Ф-1», зубами выдернул предохранительные кольца и, зажав в ладонях смерть, поднял руки, имитируя сдачу в плен. Этого Колян лично не видел, ему об этом рассказал потом один из тех, кто в то время находился на фланге высоты. По словам парня, ситуация развивалась следующим образом. Боевики прибли-

жались к Панкратову. Были видны их радостно скалящиеся бородатые рожи. Еще немного – и они захватят русского офицера. Боевики окружили старшего лейтенанта, и тогда Панкратов разжал пальцы. Два взрыва, слившись в один, поставили точку в жизни офицера.

В двери кабинета показалась физиономия сторожа.

– Коль, ты еще здесь?

– А что, не заметно? – У Николая вызвало раздражение появление старика, бесцеремонно вмешавшегося в воспоминания лейтенанта.

– Заметно, долго сидеть-то будешь?

– Сколько надо, столько буду! Тебе какая разница? Боишься не выпиться? Так тебе спать не положено! Понял? Еще вопросы будут?

Дед Потап выставил вперед сморщенную ладонь:

– Понял! Все понял, и вопросов не имею!

– Тогда оставь меня!

– Исчезаю!

Старик, аккуратно притворив за собой дверь, ушел в свою комнату, а Николай, в четвертый раз приложившись к бутылке, вновь мысленно вернулся в тот бой пятилетней давности.

Боевики продолжили штурм.

Колян с остервенением стрелял из своего раскалившегося РПК. Рядом, из автомата, бил по врагу Костя, матерясь, с перекошенным от ярости лицом. Ребята находились во власти кровавой схватки. И когда моджахеды опять применили минометы, друзья не сразу обратили внимание на то, что рядом рвутся мины.

Откуда-то слева ударили скорострельные орудия, и духи, огрызаясь огнем стрелкового оружия, стали пятиться с Малой высоты. Мелькнула мысль: неужели подошла помощь? Но это вышли из капониров оставшиеся невредимыми боевые машины сводного подразделения, БМП, паля из своих пушек.

Наши, с Большой высоты, определил Коля. Значит, это не подмога. Машины, разделившись, пошли по двум направлениям, отгесняя врага на его исходные позиции. Но не надо бы им идти дальше. Колян предчувствовал, что добром этот маневр не кончится. Выйдя из укрытий, машины были обречены. Гранатометы достанут их на открытой местности. Экипажи, уходя все дальше, отводили от высоты врага, чтобы дать остаткам роты хоть немного времени на передышку. Шли на верную смерть они осознанно!

И все же наступил момент, когда рота больше не могла вести бой. В живых оставалось всего восемь человек, четверо из которых были ранены. И Доронин, получив передышку атакой БМП, приказал этим восьми бойцам, в число которых входили и Колян с Костей, под командованием Шаха отойти от высоты по тропе, известной чеченцу. Как только отряд начал движение, Доронин подозвал к себе Николая. И те слова командира навсегда, на всю жизнь запали в память Горшкова.

Ротный спросил:

– Как сам? Цел?

Николай ответил:

– А че мне будет?

– Вот и хорошо! Ставлю тебе персональную задачу. Шах поведет раненых, ты будешь замыкать колонну. Учти, на тебе большая ответственность. Ты обязан прикрыть отряд. Обязан обеспечить их эвакуацию! Все понял?

– Нет!

– Что не понял?

– Вы же тоже можете передвигаться, но, смотрю, не собираетесь идти с нами.

Доронин вздохнул:

– Я остаюсь здесь, Коля! Мне не положено покидать эту высоту без приказа. И здесь остаются раненые, которых, к сожалению, вынести мы не в состоянии, да и не поможет им уже никакая медицина. Вот так. Я не могу оставить их. Вызову огонь дивизиона на себя, как духи пойдут на последний штурм. Будем умирать вместе. Но те, кто может уйти, просто обязаны остаться в живых и жить вместо нас! – Старший лейтенант передал Горшкову фотографию женщины с ребенком. – Вернешься в полк, передай фото старшему лейтенанту Чиркову, знаешь такого?

– Знаю!

– Тогда давай, Коль, иди! Удачи вам!

– Прощайте, товарищ старший лейтенант! Я вас никогда не забуду!

– Давай, давай!

Колян повернулся и, смахивая вдруг набежавшие слезы, побежал догонять отряд.

Услышав раскаты взрывов, слившихся в монотонный грохот, они поняли, ЧТО произошло. Но надо было идти.

Колян, увешанный магазинами с патронами, неся пулемет на плече, угрюмо плелся сзади. В нем кипела ненависть к врагу, безмерная жалость к тем, кто навечно остался на высотах. Злость на себя. По сути, их выбили с опорного пункта, заставив отступить, и без разницы, что сражался против них противник, многократно превышающий роту по численности. Факт оставался фактом, и Николай испытывал чувство стыда. Ничем не обоснованного и незаслуженного позора.

Вскоре Шах по одному ему известным признакам обнаружил преследование. Это означало, что их рано или поздно настигнут боевики. И тогда что? Последний бой? Значит, надо останавливаться и готовиться к нему. Или продолжать движение, но в этом случае кому-то предстояло остаться здесь и прикрывать отход. Остаться на верную смерть. Тут уже без вариантов! Шах подозвал Горшкова:

– Ты вот что, Николай, оставь пулемет и веди людей дальше. Вот карта, здесь обозначен маршрут.

Колян усмехнулся:

– Ага! Если бы я еще че понимал в твоей карте. Я точно уведу отряд куда-нибудь, как Сусанин, в натуре. К тому же ты, Шах, ранен. Нет уж, веди ребят, как вел. А останусь я! Ты мне только пару гранат дай. И помоги позицию выбрать. Ты ж бывший дух, у тебя опыта не ровня мне.

Чеченец после недолгих раздумий согласился. Вместе они оборудовали основную и запасную позиции, отряд ушел, а Николай остался. Устроился в ячейке, разложил рядом магазины – пять штук по сорок патронов. Закурил. Думать ни о чем не хотелось.

Вдруг из балки, куда ушли раненые, послышалось движение. К его позиции кто-то явно приближался с тыла. Человек или зверь? Хотя какой к черту зверь, после такой канонады? Значит, человек? Но кто? Колян резко развернул пулемет. Звуки шагов доносились уже отчетливо. Только они, эти шаги, были неуверенными... или крадущимися?

– Колян! Не стреляй! Свои!

Горшков в изумлении воскликнул:

– Твою мать! Ты откуда взялся?

Николай, конечно, сразу узнал голос своего друга. Шел Ветров хромая. Отсюда и неуверенная, нетвердая походка. Константин приближался, держа в одной руке автомат, другой опираясь на самодельный костыль. За пояс заткнуты два магазина. Ветров решил принять последний бой вместе с другом, обрекая и себя на верную гибель. И сколько ни гнал его от себя Николай, Костя был неумолим.

Боевики появились минут через двадцать. Колян попытался посчитать бандитов, но духи все выходили и выходили из-за поворота, а головной боевик был практически под самым стволом пулемета Горшкова. Медлить больше нельзя. Колян прицелился и короткими очередями ударил по колонне, начиная с впереди идущего и далее вглубь. Он сделал это так быстро, что первые восемь моджахедов молча уткнулись в землю. Замешательство оставшихся в зоне обстрела позволило Николаю выбить еще несколько бандитов. Остальные, очухавшись, поспешили назад, за спасительный поворот. По Горшкову не выпустили ни одного патрона. Но он обнаружил себя. К тому же несколько духов все же прорвались в мертвую для пулемета зону. И тут ударил Костя, обескуражил бандитов, они прижались к скале. Николай чувствовал, что враг под ним и наверняка готовит подлянку. Он выдернул кольцо предохранительной чеки гранаты и метнул вниз. Сам же вскочил и прыжком перелетел на запасную позицию, под длинную, отвлекающую противника очередь друга. Снизу раздался взрыв и вопли. Со своей новой точки Колян увидел, что там, куда он бросил гранату, на камнях корчатся бандиты. Он стал перезаряжать пулемет и, неловко повернувшись, почувствовал сильную боль в боку. Увидел, как из рукава вытекает кровь. Но заниматься раной не было времени. Колян открыл огонь по склону, откуда, уже обходя бойцов пятой роты, заходило несколько боевиков. В них стрелял и Константин. Коля развернул пулемет на поворот, и тут пулей обожгло руку, следом удар в плечо. Николай хотел поправить РПК, но рука не слушалась.

Поняв, что друга задело серьезно, из кустов выскочил Костя. Он прыжками, отталкиваясь неповрежденной ногой, перескакивал от валуна к валуну, отвлекая противника от товарища, стреляя очередями по два-три патрона.

Колян видел врага. Кое-как установив пулемет, открыл огонь, но РПК на половине очереди захлебнулся. Кончились патроны. Николай с трудом вставил пятый, последний магазин. А бандиты все наступали, они, казалось, были везде, и стреляли, стреляли, стреляли. У Коли закружилась голова, рана сильно кровоточила. Он терял кровь, а с ней и силы. Превозмогая головокружение и подступившую тошноту, Горшков выбрал цели и не спеша, методично стал посылать во врага очередные порции свинца. О том, что и в последнем магазине патроны тоже вот-вот кончатся, Колян не думал. И когда пулемет умолк, он здоровой рукой отбросил его от себя. Где-то сбоку вскрикнул Костя, автомат замолчал. И его достали бандиты! Горшков вытащил гранату, зубами выдернул кольцо, сжал в руке свое последнее оружие, глядя, как к нему приближается враг. Глаза начала затягивать пелена, и остальное он видел словно сквозь сон. Приближающиеся боевики вдруг стали падать на камни, усилился автоматный огонь, послышался отборный русский мат. Мимо пробежали солдаты в голубых беретах. Разум все более затуманивался, слабели пальцы. Еще немного, и он не удержит чеку, но вдруг чья-то сильная рука крепко сжала его ладонь. Шах аккуратно извлек гранату, обезвредил ее, быстро и профессионально раздел и перевязал Коляна, поднял на руки:

– Держись, солдат, держись! Сейчас мы тебя до медиков доставим. Ничего, Коль, ничего, главное – живой!

Последнее, что слышал Николай, – это слова Шаха. Тот говорил что-то, но смысл его слов до раненого солдата уже не доходил. Колян потерял сознание и очнулся в госпитале. В палате, где рядом лежали Костя и Гольдин. Позже он узнал, что десантный батальон, встреченный Шахом и приведенный в балку, разбил не только группу преследования, но и при огневой поддержке авиации уничтожил остатки когда-то тысячных отрядов Хабиба, Теймураза Костолома, Рашидхана и Окулиста. И что ему, деревенскому пареньку, присвоено звание Героя России!

А главное, что выжил Доронин, вызвавший огонь артиллерии на себя. Выжил чудом, став полным инвалидом, без ног и одной руки.

Из состояния глубокой задумчивости Николая вывел стук в окно. Он прозвучал как череда одиночных выстрелов, неожиданно и громко. Так, что Горшков даже вздрогнул. Обернулся к черному квадрату. Увидел за стеклом лицо отца. Показал рукой, чтобы тот прошел в кабинет.

– Ты чего, Коль, домой не идешь?

Увидел спиртное и закуску:

– Пьешь?

Николай ответил:

– Ты забыл, какое сегодня число?

Отец вспомнил:

– А?! Точно. Годовщина того боя, понятно. Но почему здесь, не дома? Мать бы стол накрыла. А то, как приехал, видели, ждали. Тебя все нет. Думали, дела по службе. А потом, когда часы за полночь перевалили, встревожились, не случилось ли что? Мать приказала идти в контору.

Николай удивился:

– А что, уже полночь? – Посмотрел на часы, удивленно проговорил: – Да, полпервого! Ты смотри, а я и не заметил. Вспомнил ту бойню, ребят, короче, будто вновь побывал на тех проклятых высотах. Ладно, действительно пора идти. Ты стакан-то за ребят махни?!

Отец не отказался:

– Это можно. Помянуть погибших героев – дело святое.

Иван Степанович Горшков принял от сына стакан, медленно выпил водку. Вздыхнул:

– Пусть им, молодым, земля будет пухом.

Протившись со сторожем, которому Николай отдал остатки водки, Горшковы пошли мимо церкви к небольшому дому, единственному на всей улице, в котором еще горел свет.

Глава вторая

– Коля, вставай! Сынок, проснись!

Николай, не открывая глаз, недовольно спросил:

– Ну, чего еще, мать?

– Вставай, Коль! К тебе тетка Клава пришла, хочет увидеть, сын у нее с утра забузил!

Колян все еще находился во власти сна:

– Какая тетка Клава? У нас на деревне этих Клав как собак нерезаных!

– Да Стукачева, что возле бывшего сельмага живет!

– Каркуша, что ли?

– Во-во, Каркуша!

– Так бы сразу и сказала.

Горшков сбросил тело с кровати, потянулся, спросил:

– Где эта Стукачева?

– На крыльце! С отцом гутарит, на судьбу жалится. Да и немудрено, «повезло» ей с сыном. Мало, что сам дурак-дураком, особля когда выпьет, так и в жены такую же взял, из района приволок.

Николай остановил речь матери:

– Ты вот что, мам! Разговоры подобного рода прекрати! А лучше дай мне полотенце, пойду во двор, умоюсь!

Анастасия Петровна с оттенком обиды в голосе кивнула на окно, выходящее во внутренний двор небольшой усадьбы Горшковых:

– Полотенец на костыле висит, умывальник давеча до краев наполнила. Вот только почему ты так с матерью себя ведешь?

Надевая форменные брюки, Николай спросил:

– Как так, мать? Как всегда.

– Полностью высказаться ни о чем не дашь!

– Эх, мать, если я буду слушать все те сплетни, то мне увольняться придется, потому как времени на службу не останется. Вам же с отцом только дай волю, все ораторы в государстве могут отдыхать! Причем до конца дней своих! Так что меня байками не лечи, есть у тебя подруги, с ними и перетирай деревенские сплетни. Я во двор!

Прошмыгнув мимо матери, которая пыталась ответить на выпад сына, Николай вышел в сени. Оттуда услышал голос тетки Клав:

– ... А с утра, Степаныч, совсем озверел. На жену Тоньку с вилами кинулся, это за то, что она к деду Спиридону за самогонкой не пошла, в меня табуретом запустил, еле увернулась. Пришлось со снохой из дома огородом уходить...

Участковый подумал: да, видать, на самом деле, не на шутку разошелся Митька. И с чего бы? Обычно с утра мокрой курицей по деревне шатается в поисках пойла на похмелку, а тут? Уж не чердак ли снесло от пьянки беспробудной? Если снесло, то придется бригаду медиков из Кантарска вызывать. Ладно, разберемся.

Николай быстро умылся, потер щетину на лице, не мешало бы побриться, да времени нет.

Пройдя обратно в дом, надел поверх брюк рубашку с погонями, водрузил на голову фуражку, обулся. Подумав, достал из сейфа кобуру с пистолетом, пристегнув ее к поясному ремню, вместе с наручниками. Вышел на крыльцо, где к Стукачевой и отцу присоединилась мать.

Увидев участкового, все замолчали.

Николай кивнул утренней гостье:

– Здравствуй, тетя Клава. Какие проблемы?

Стукачева запричитала:

– Ой, Митька-изверг из дома собственного выгнал. И меня, мать родную, и жену, чтоб ей пусто было, тоже!

Горшков поинтересовался:

– А чего вдруг? Сколько помню, он утром никогда не буянил. Что на этот раз случилось? Да ты вставай, пойдем до хаты, по дороге и поговорим.

Тетка Клава, или Каркуша, как называли в Семенихе Клавдию Стукачеву за длинный язык, затараторила:

– Пойдем, Коля, пойдем, милок. Ты у нас власть, на тебе порядок, мент, одним словом!

Николай бросил на нее укоризненный взгляд:

– Ты слова-то подбирай, Клавдия Григорьевна! Что еще за мент?

– Так, Коль, и в кино вас кличут, и ничего!

– Так то в кино, а в жизни изволь не оскорблять должностное лицо при исполнении им своих служебных обязанностей!

– Но ты сам, давеча, на свадьбе у корешка своего, Тихонка, говорил: и чего я, придурок, в менты подался? Ведь предлагали же должность гражданскую и непыльную в райцентре. Говорил?

Колян сплюнул на пыльную дорогу:

– Тьфу ты! И что за люди, слова сказать нельзя, тут же по всей деревне разнесут. Короче, хорош об этом, ты мне на вопрос ответь, что на этот раз такое необычное случилось, отчего Митя твой вразнос пошел?

– Так черт его знает! Они с Тонькой бухать начали с вечера, ну это вроде как уже в порядке вещей стало. Я посидела с ними. Потом ушла. В сон сморило. А часов в пять или поранее, точно не скажу, сломались часы-то на прошлой неделе, проснулась от крика. Кричал Митька. На супружницу свою. Ты, мол, Тонька, блядь подзаборная, – это он постоянно ее так по пьянке называет, – вместо того, чтобы мослами греметь в хате, дергай к деду Спиридону, возьми литруху чимергеца. Она ему: «На себя посмотри, дятел задроченный, нашел блядь, и ты меня с кем из мужиков тутошних за руку ловил? Да в вашей Семенихе и мужиков-то нет, давно все перевелись, вместе с заборами. Одна пьянь тряпишная и осталась. А к Спиридону без денег не пойду. И так должны ему чуть не тыщу». Митька еще сильнее заорал: «Ты че, сука, в натуре, вконец оборзела? Это я не мужик? А кто тебя, шлюху, трахает? Конь соседский? Еще слово вякнешь, я тебя лично порешу. Быстро свалила к Спиридону, крутись юлой, но без литра не возвращайся!»

Стукачева поперхнулась, откашлявшись, продолжила:

– Думаю, добром дело меж молодых не кончится, надо впрягаться. Вхожу в горницу. Митька в майке и спортивных брюках, глаза горят бешеным огнем, волосы взъерошены. Увидел меня, как гаркнет: «Тебе чего надо?» Я: «Успокойся, Мить, ляг, проспись». А он: «Сговорились, суки? Так я быстро из вас божьих коровок сделаю». Хватает табурет – и в меня. Хорошо, нагнулась. Ну, мы с Тонькой, как по команде, с хаты и долой. Сноха в сенях на бидоны налетела, задержалась. А Митька тут как тут. В руках вилы! Орет: «Попала, живоглотка!» Тонька, откуда прыть взялась, через бидоны, как коза, в три прыжка, и за мной во двор, оттуда на огород. По нему и убежали.

Николай спросил:

– Митька преследовал вас?

– А я знаю? Не до того было, чтобы оглядываться. Но как к реке выбежали, Тонька и дальше по берегу понеслась, а у меня силы-то не те. Остановилась отдышаться. Назад глянула, сына на огороде не было. Может, и не гнался. Да, скорее всего не гнался, потому что если захотел, то догнал бы.

Горшков проговорил:

– Понятно.

Они уже подходили к усадьбе Стукачевых, как оттуда вдруг раздался выстрел, за ним второй. Горшков определил сразу – стреляли из ружья.

Клавдия Григорьевна, резко остановившись, даже присела, воскликнув:

– Господи! Никак Митька ружье отцовское достал! Ну, точно с ума сошел. Не иначе белую горячку словил.

Горшков передвинул кобуру вперед, расстегнул ее:

– Как бы он сдуру не замочил кого из соседей!

Стукачева указала на кобуру:

– А ты че, Коля, тоже стрелять надумал? В сына?

– Нет, по голубям!

Мать разбуянившегося хулигана встала перед Николаем, категорично заявив:

– Не дам стрелять в сына! Натворит чего, суди, но стрелять не дам!

Горшков легко отстранил женщину:

– Уйди, тетка Клава, к родне уйди! Не буду я валить твоего Митяя. А насчет суда? Моли бога, чтобы он в воздух стрелял! Иначе закроют его надолго.

Стукачева попыталась еще что-то сказать участковому, но тот прикрикнул на нее:

– Я чего сказал? Быстро скрылась с глаз моих! И не вздумай возле хаты объявиться. Твой сыночек тебя же первой и грохнет! Кстати, патронов в доме много?

– А кто ж их считал? Патронташ, а там черт его знает.

– Ясно! Все, скрылась!

Стукачева послушалась и побежала через улицу к старому дому, где жила ее то ли двоюродная, то ли троюродная сестра. В деревне все приходилось друг другу хоть и дальними, но родственниками. Даже Николаю этот Митька тоже был какой-то родней!

Колян прикинул, как лучше выйти на потерявшего разум сына Каркуши. Подойти к хате с фасада, а если Митька в палисаднике? Увидит лейтенанта и поднимет дробовик. Тогда придется бить по нему из пистолета. Иначе он сам нашьпигует участкового дробью. Зайти с огорода, а если он этим временем выйдет на улицу? И ударит из стволов по первым попавшимся сельчанам? Такого тоже допустить нельзя. Значит, придется идти все же с фронта. Вот если бы знать, где конкретно находится Митька, тогда другое дело. Но гадать – только время терять, а он обязан действовать.

Колян перешел на противоположную от хаты Стукачевых сторону улицы, вдоль которой стояли вынесенные за пределы усадеб сараи. И столкнулся с мальчишкой. Тот бежал навстречу.

Николай перехватил его:

– Ленька!

– Да, дядь Коль!

– Как Митяй стрелял, видел?

– Видал, дядь Коль!

– Расскажи!

– А че рассказывать? Мы с Бегемотом, дружкой, на бревнах сидели, школа-то во вторую смену, только угнездились, слышим ругань в хате бабки Клавы. Дядька Митя на мать и жену ругался. Потом шум какой-то, визги, грохот. Затем тишина. Вроде все успокоилось. И вдруг на крыльцо дядька Митя выходит, с ружьем, двустволкой. А у них по палисаднику куры бегают. Ну, дядька по ним и шарахнул из ружья!

Горшков переспросил:

– Так он по курам стрелял?

– Знамо, по курам! Как пальнул, так обратно в хату зашел. Я сразу домой и побежал.

– Значит, Стукачев сейчас в хате?

– Наверное! Если опять не вышел на крыльцо или во двор. А че это с ним, дядь Коль? Ране он только вечерами буянил, пьяный, да и то дома!

– Не знаю! Бегемот твой тоже домой побежал?

– Да! От греха подальше!

– А вокруг хаты Стукачевых людей нет?

– Нет! Набирал воду из колодца дед Спиридон. Но как дядька Митя выстрелил, дед ведра кинул и через плетень, в малину. Он же рядом живет.

– Понятно. Ну, беги дальше.

И паренек заметил расстегнутую кобуру с торчащей из нее рукояткой заряженного пистолета. Спросил:

– А вы его того? Брать будете? Как в кино?

– Нет, как в анекдоте.

Парень не понял:

– В каком анекдоте?

– Таким, который тебе еще рано знать! Короче, беги, куда бежал, и тем, кого кого встретишь, скажи, чтобы сюда, к хате Стукачевых, не приближались. Понял?

– Понял!

– Тогда ноги в руки и пошел!

Парнишка рванул по улице.

Значит, Митяй в дом зашел. В башке просветлело или решил ружье перезарядить? Но без похмелки в себя он не придет, значит, отправился в избу перезаряжать вольну. Это хреново. Но ничего не поделаешь. Дура Тонька тоже заупрямилась. Вместе с мужем жрала, а поутру за самогоном сходить не могла. А похмелились бы всей семейкой, ничего и не было бы. Но все одно, что-то с ними решать надо! Рано ли поздно, но Митяй свою благоверную грохнет, либо она муженька по темечку топориком долбанет. Добром их пьянки не кончатся. Вот они, первые весточки. Проявились. Дальше будет хуже, если... но об этом потом, сейчас надо обезвредить этого чудика.

Николай, внимательно следя за палисадником усадьбы Стукачевых, особенно за окнами дома, из которых в любое мгновение могли показаться стволы старого ружья, начал сближение с хатой, где засел Дмитрий Стукачев. Горшков шел быстро, готовый моментально среагировать на любую угрозу. К счастью, та не проявилась во время движения милиционера, и Николай, перепрыгнув через покосившийся, почерневший от времени забор, достиг крыльца. Поднялся по ступеням, у двери остановился, прислушался. Услышал из глубины дома, точнее, из сеней яростное:

– Сейчас, суки, сейчас, устрою всем утро стрелецкой казни. Дятлом Дмитрия Стукачева называете. Вот и долбанет дятел по вашим рожам! Бля, да чего ты, козел, не влазишь?

Послышался стук отброшенной в сторону гильзы. Видимо, Митька не мог зарядить один из стволов. Значит, следует атаковать его немедленно.

Горшков приготовился выбить дверь, но услышал:

– Наконец-то! Готово. Так, пару в карман – и к Спиридону. С него, жмота старого, и начнем. Сам, петушина, флягу с самогоном сюда перетащит, потом Тоньку-шлюху выловить, всадить в задницу дробы, чтобы, скотина, на всю жизнь запомнила, кто в доме хозяин.

Вместе с речью потерявшего рассудок Стукачева Николай услышал его шаги. Митька приближался к выходу на крыльцо. Горшков занял позицию слева, вжавшись в стену, упершись одной ногой в скамейку крыльца. Дверь открылась. Показались стволы ружья, они были направлены прямо на калитку забора. Следом появился Дмитрий Стукачев. Все в той же грязной майке, мятых, дурых на коленях бесцветных спортивных штанах. Он заметил лейтенанта боковым зрением, но было поздно. Николай резко ударил по ружью. Двустволка вылетела из рук Стукачева. Следующий удар участкового пришелся Митяю в челюсть. Возмутитель спо-

койствия, вскрикнув, полетел по ступеням на землю. На него прыгнул Горшков, одновременно срывая с пояса наручники. Прижав коленом Стукачева, не отличавшегося особой силой или ловкостью, Николай без труда свел его руки за спину, надев на кисти браслеты. Обезоружив и обезвредив хулигана, Горшков сел на его шуплую спину.

– Ну что, Митька, доигрался?

Стукачев проговорил:

– Слезь, бугай, дышать нечем!

Колян ответил спокойно:

– Перебьешься! Скажи спасибо, что я еще с тобой вот так, по-мирному обошелся, а ведь имел полное право применить оружие.

Горшков достал пачку сигарет, закурил, выпуская дым кольцами в холодный весенний воздух.

Задержанный пошевелился:

– Кончай, Колян, в натуре! Мы же с тобой пацанами вместе по деревне бегали!

Николай кивнул:

– Бегали! В школу одну и ту же ходили. Потом я в армию загремел, ты же откосил, справочку липовую в сельсовете приобрел. И когда я с «чехами» воевал, ты девок тут шупал. В этом разница между нами. И поэтому я сейчас над тобой, а ты по уши в дерьме!

– Да ладно, Коль. Чего старое вспоминать?

– Ты ж его вспомнил, не я. Объясни мне одно, Митя, с чего это ты сегодня решил бузу в деревне устроить?

– Да баба моя меня достала. Я ее послал...

– Это мне известно. Спрашиваю о другом, неужели самогон настолько мозги затуманил, что ты напрочь перестал соображать?

Дмитрий вздохнул:

– А черт его знает! Сам не пойму, как все вышло. Ярость обуяла нечеловеческая!

Горшков согласился:

– Это точно, нечеловеческая!

Из-за кустов показалась мать Дмитрия:

– Коль, ну че он?

Участковый усмехнулся:

– Сама не видишь? Отдыхает после трудов праведных!

– Ты его, случаем, не зашиб?

– А что, надо было?

– Да господь с тобой! Это он когда пьяный дурак, а так ничего, не хуже остальных мужиков наших. Это его Тонька, подстилка поселковая, до жизни такой довела!

С торца дома неожиданно возникла супруга задержанного:

– Значит, Тонька во всем виновата? А ты, стерва старая, с обмылком-сыночком своим – ангелочки, да? Не угадали! Ответит теперь Митька за все! А я на него такую бумагу накатаю, что загремит, козел, в тюрьму лет на десять!

Тетка Клава рванулась к снохе.

Николай поднялся, приказал:

– А ну, отставить бардак! Так, Клавдия Григорьевна, и ты, Антонина, в дом и по разным комнатам. Узнаю, что схлестнулись, обеих закрою к чертям собачьим! Ясно?

Женщины подчинились. Тонька без лишних разговоров пошла в хату. Тетка Клава задержалась:

– Коль, а че ты теперь с Митькой делать будешь?

– Расстреляю на хрен за сельсоветом – и все дела!

Стукачева побледнела, совершенно не воспринимая и доли иронии в голосе участкового:

– Как так? Не имеешь права! Где это видано, чтобы в наше время к стенке без суда и следствия?

– Чего ж тогда глупый вопрос задаешь? В КПЗ для начала посидит твой сыночек. Районное начальство решит, что с ним делать дальше!

Стукачева, придя в себя, заискивающе взглянула в глаза Горшкова, попросила:

– А может, отпустишь его, Коль, непутевого? Тапереча он тихий будет. Ведь не чужие, поди?

Горшков отрицательно покачал головой:

– Не получится, тетка Клава. Воспитывать твоего бестолкового сыночка надо, от пьянки лечить, иначе в следующий раз он тебе же голову и снесет! Все, базар закончен. Шагай в избу!

Отвернувшись от Стукачевой, Горшков пнул носком сапога Митяя:

– Вставай, а то простынешь!

Тот заныл:

– Как же я встану, без рук?

– Молча! А не встанешь сам, то я тебе помогу, но лучше не доводить до этого!

Стукачева кинулась к сыну, помогла ему. Николай не стал мешать. Как только Дмитрий, весь облепленный грязью, предстал перед участковым, тетка Клава направилась к крыльцу, вслед за снохой. Оценив внешний вид задержанного, Николай остановил Стукачеву:

– Ты вот что, тетка Клава! Принеси в участок чистой и сухой одежды. Телогрейку и еще чего теплого из одежды. В КПЗ холодно и сыро.

Ничего не ответив, мать Митьки скрылась в хате.

Николай подобрал ружье, валявшиеся на земле гильзы. Снял с задержанного наручники:

– Пойдем!

– Через всю деревню в таком виде под конвоем вести будешь? Позволь здесь переодеться, чего матери в администрацию таскаться? Будь человеком, Колян!

Николай, будучи по натуре человеком жестким, упрямым, но отходчивым, махнул рукой, доставая очередную сигарету:

– Хрен с тобой, переодевайся! Только смотри, Дмитрий! Попытаешься скрыться, отловлю, и тогда не обижайся. Получишь по полной, как лицо оказавшее сопротивление при задержании. Не шуткуй!

– Да куда скрыться? От вас разве скроешься? Обложите, как волка, да статей вдгонку нацепляете!

Горшков усмехнулся:

– А ты, гляжу, отошел. Трезво рассуждаешь.

– Протрезвеешь здесь. Эх, жизнь наша бекова... мать ее!

Вскоре Николай закрыл Дмитрия Стукачева в камере предварительного заключения, составив соответствующий протокол, но о произошедшем в РОВД Кантарска не сообщил, посчитав, что при необходимости всегда сможет сделать это. В райотделе быстро ухватились бы за Стукачева и, недолго думая, возбудили уголовное дело. Начальству для отчетности край как нужны такие вот дела.

Закончив с оформлением протокола, Николай вышел на улицу. Увидел, как в сторону реки с веслами на плече спешит Карасик – Михаил Володин, слывший на деревне первым рыбаком. А точнее, браконьером, так как рыбу ловил исключительно сетями, имея полное взаимопонимание с инспектором рыбнадзора, являвшимся его племянником. Горшков давно хотел прекратить это безобразие, но в бытовухе повседневной как-то не доходили руки. Сейчас представился неплохой момент, чтобы подловить потомственного браконьера. Потомственного, потому что и отец Карасика в бытность свою промышлял незаконной ловлей рыбы. По сути, Володины этим и жили – продавая рыбу и в районе, и в деревне. Приняв решение, Горшков обошел церковь и глухим проулком спустился в балку, тянущуюся серпом вокруг озера

до самой реки. На дне оврага еще стояла вода, но склоны позволяли свободно перемещаться к реке, невидимым со стороны.

Горшков вышел к Оке, когда Карасик начал проверять первую сеть. Сколько их стояло по реке, было известно одному Володину. Сегодня это узнает и участковый. Выбрав сухое место в прибрежных кустах, Николай стал следить за деятельностью Карасика. Браконьер работал профессионально. Лодка почти не останавливалась. Из воды Володин выхватывал кусок сети, и на дно посуды один за другим летели приличные по размеру лещи, подлещики, плотва. Попадались и щуки.

Карасик, закончив с первой сетью, переплыл ко второй, стоящей метрах в пятидесяти против течения от первой. Николай прикинул, сколько рыбы взял Карасик с одного захода. Вышло, что неплохо, а переведя на деньги, то совсем даже неплохо. В голове возник вопрос: если Володин имеет столько денег, то куда тратит их? Дом, в котором жил Карасик, ничем не отличался от других. Скотину его семья не держала, куры, утки да гуси не в счет! Птица была в каждой семье. Машины не имел. Копит? Собирает в чулок? Вполне может быть! Наберет нужную сумму, глядишь, и поставит особняк в Кантарске, а то и в областном центре. Но вряд ли! Карасика от реки не оторвать! Ради сыновей, которые в этом году заканчивают школу, старается? Не исключено. Нынче без денег в городе делать нечего. Но ладно, в принципе без разницы, куда деваает деньги браконьер. Главное, что получает их он незаконным путем. Да, собственным трудом, тяжелым трудом, но... как ни крути... трудом незаконным! Хотя, признаться, и законы-то в стране далеко не всегда служат интересам народа. Но они Законы, а без Законов нет Государства. Государства, ради которого Николай с товарищами по армейской службе проливал кровь на безымянных высотах. С товарищами, подавляющее большинство которых так и остались навсегда лежать среди камней этих проклятых высот. Останки их, естественно, переправили в Россию и захоронили, где надо, но души ребят остались там, в Чечне. Вновь вернувшись к воспоминаниям, Николай тяжело вздохнул. Не отпускали его те страшные сутки, когда сводная рота вела ожесточенный, неравный бой с ордами наемников-головорезов. Вроде боль утраты должна бы и ослабеть, ведь за всех военнослужащих пятой роты десантники отомстили духам сполна. Однако боль по-прежнему рвала сердце Коляна. Почему? Не оттого ли, что кому-то из главарей моджахедов все же удалось избежать возмездия и коварной гюрзой уползти в ущелье за Косыми Воротами? Черт его знает! Но хватит об этом!

Карасик, посадив лодку в реку более чем на половину борта, закончил осмотр пятой и последней сети. Больше рыбных ловушек, по крайней мере, на этом участке, у него, скорей всего, не было. Да и куда еще?

Карасик и в мыслях не держал, что за его действиями следит участковый. Володин знал о похождениях Митяя и резонно просчитал, что участковому по-любому будет не до какого-то там браконьера. Со Стукачевым менту дел по горло хватит. А Горшкова, несмотря на свою наглость, Карасик боялся. И племянник Василий – начальник рыбнадзора предупреждал, чтобы Володин предельно остерегался семенихинского участкового. Васька говорил: если Карасик попадется Горшкову, то кранты. От Коляна не отбиться, не откупиться и начальством не прикрыться, потому как Горшков единственный в Кантарском районе Герой России, человек известный не то что в местном захолустье, но и в области и даже в Москве. Звезду Николаю сам президент в Кремле вручал, а это тебе не хухры-мухры. Вот и старался Карасик снимать улов, когда участковый был занят по службе, как сегодня. У того дел в деревне всегда хватало, и в район он часто выезжал. А то, что Володин открыто торговал рыбой, это уже участкового не касалось. Мало ли где Карасик взял ее? На удочку и донки наловил, поди проверь. Да и основную часть улова браконьер сбрасывал в Кантарске, местным продавая мелочевку, остатки, что не уходили в районе.

Лодка ударилась о берег. Карасик сошел на сушу и пошел вдоль реки по течению, где за поворотом стоял на причале небольшой катер, также принадлежавший Володину. На нем,

перегрузившись, Карасик и плавал в район, где его уже ждали покупатели. На веслах до Кантарска не доплыть. Катер – другое дело. Он раньше стоял в штате рыбоохраны. Племянник списал плавсредство и передал дядюшке за символическую цену. Все было продумано у Карасика с племянником. Кроме одного, что участковый давно просчитал их бизнес, вот только руки не доходили, чтобы пресечь его. Сегодня дошли.

Горшков кустами прошел до места, напротив которого стояла лодка, почти до краев заполненная рыбой. Пустым оставался отсек, откуда работал браконьер.

Николай укоризненно покачал головой. До чего жадность и страсть к деньгам доводят людей! Ведь за один этот улов Володина свободно можно оформить на зону. И на срок немалый, учитывая ущерб, нанесенный государству. А ведь мог Карасик обставить дело и по-другому! Но не захотел. Опять-таки из-за своей чрезмерной скупости! Что ж, не захотел, придется отвечать!

Послышалось урчание мотора. Из-за поворота показался катер. Карасик вел его на малых оборотах. Причалил борт о борт с лодкой.

И тут из кустов вышел Горшков.

Володин от неожиданности присел, открыв рот.

Николай поставил ногу на нос катера:

– Бог в помощь, Михаил Потапович!

Карасик промычал нечленораздельно:

– Э-это... ты? Да... а... ну да! А я вот...

Участковый спросил:

– Ты чего там бормочешь? Не разберу! Давай на берег, здесь и поговорим, и документы положенные составим.

Дважды споткнувшись на ровной поверхности, Володин спрыгнул на берег. Участковый взял его с поличным, отпираться не имело смысла, а признаться – подписать собственный приговор. Володин был полностью деморализован. Это заметил и участковый.

– Что ж ты растерялся, Карасик? Как браконьерничать, так герой, а как отвечать, в штаны и наложил? Ну, будь мужиком! Надо уметь и проигрывать! Или ты рассчитывал, что сможешь и далее меня, как лоха, разводить? Да я давно выпас твой с племянником бизнес. Давно. Только времени не находил заняться вами вплотную. А вот нынче нашел! И взял тебя тепленьким! Одного не пойму, Потапыч, почему ты, имея связи через племяша в районе, официально не зарегистрировался, как частный предприниматель, занимающийся рыболовством? У нас это в области разрешено! Получил бы лицензию и работал спокойно! Васька тебя от конкурентов всегда защитил бы. А наехали бы отморозки какие, ко мне обратился. И я тебя защищать обязан был бы! Почему ты не сделал так?

Володин сумел взять себя в руки:

– Почему, спрашиваешь? А налоги? Но это черт бы с ним, но думаешь, официально промышляя, одними налогами я отделался бы? Хрен с два! Половину, если не более, всей администрации пришлось скормить бы. И получилось бы: я ломаюсь, а они жрать на халяву? Или ты, Колян, считаешь, по-другому было бы?

Горшков строго взглянул на Володина:

– Ты мне, Карась, в уши не дуй о поборах! Которые могли иметь место в перспективе! Твои слова к делу, как говорится, не пришьешь, а вот рыбу, что в лодке лежит, свободно. Сейчас по сотовому телефону вызову понятых и начнем составлять протокол.

Володин неожиданно закричал:

– Крайнего нашел, да? Правильный, да? Карасика отловил, преступление какое раскрыл! А чего же ты, такой правильный, не ловишь чиновников областных, что каждые выходные за перекатом сети ставят? И балдеют с проститутками? Они из реки только крупняк берут, мелочь выбрасывают! Я хоть продаю по дешевке, все людям на стол, а они выкидывают! Или

их трогать нельзя? Ведь они областные шишки, а не какой-то бедолага деревенский, рвань лапотная. Что ж ты, Герой России, заслуженный человек, стоящий за правду, одних ловишь, а на других внимания не обращаешь? Или и ты только на словах за правду? Конечно! Так оно сподручней! Что ж, вызывай понятых, сажай Карасика! Эх, бля! Пропади оно все пропадом!

Володин сел на нос катера, дрожащими руками извлек из пачки «Примы» сигарету, с трудом, ломая спички, но закурил, горестно вдыхая. А Николай, осознав смысл гневной речи браконьера, удивленно спросил Володина:

– О чем ты, Карась, говоришь? О каких чиновниках?

– Да ладно прикидываться! Будто сам не знаешь? Все в округе знаешь, а об этом и не слышал?

– Тебе задан вопрос, отвечай на него!

Володин подозрительно взглянул на лейтенанта.

Мелькнуло: а вдруг он действительно не знает о пикниках высокого начальства? В этом случае можно сыграть на этом, лишь бы не переиграть, не переборщить! Тогда точно хана. Хотя и сейчас не сливки.

Браконьер решил:

– Не буду отвечать. Видать, ты с ними заодно! Перед тобой откройся, а потом в ящик сыграешь! Нет уж, лучше промолчу. Считаю, ничего я тебе не говорил и ничего не знаю. Вызывай понятых, конфискуй сети, составляй протокол!

Горшков задумался. Решить вопрос с Карасиком теперь проще простого, но если он сказал правду, то получится несправедливо. Одного закон покарает, других оставит безнаказанными. Такого не должно быть. Володин заикнулся о чиновниках из области, гуляющих с проститутками. Для них ставят сети, чтобы ушицу знатную к водочке подать. И все это происходит за перекатом. Но перекаатов по реке на территории участка Горшкова два, один недалеко отсюда, другой выше по реке. Чтобы зацепить крупную дичь, надо знать точно, где разбивают бивак эти чиновники. И кто они? С кем, кроме проституток, приезжают сюда? Не сами же чинуши ставят сети? Все это можно узнать от Карасика. А тот не желает говорить. Его понять можно, в рассуждениях Володина логика присутствует. Одно – попасться самому, совсем иное – сдать других, да еще тех, кто представляет власть! Придется ради достижения большего жертвовать малым. Черт с ним, с Карасем, он все одно больше на реку не выйдет.

Николай присел рядом с Володиным:

– Слушай, Потапыч. Я готов замять сегодняшний случай. Хрен с ним. Правда, навара с рыбы ты не получишь, сети уничтожишь и больше никакого браконьерства, но при условии, что выложишь все, известное тебе о гулянках чиновников. Откажешься – пойдешь под суд, а чинуши с проститутками продолжают беспредельничать на реке. Я их, конечно, попытаюсь прищучить, но без полной информации по их пикникам сделать это будет очень сложно. Так что решай, говоришь или молчишь! Время на размышление одна минута. И оно пошло!

Володин выдержал паузу. Затем рубанул воздух рукой:

– Черт с ним! Твоя взяла! Слушай.

И браконьер поведал участковому, что на этот берег в лесу за первым перекатом каждую субботу приезжают две машины. Иномарка, «Волга», ну и «Газель» грузо-пассажирская иногда. В иномарке прибывает не кто иной, как сам первый вице-губернатор области и охрана. На «Волге» приезжает глава администрации Кантарского района с проститутками. В багажниках – лодки резиновые, палатки, мангал, ящики с водкой, вином, пивом и жратвой разной!

Николай спросил:

– Так ты утверждаешь, что в лес у переката на выходные приезжает заместитель губернатора Комаров и наш районный глава Дубровин?

– Да! Они!

– С ними водители, проститутки и охрана?

– Да!

– Откуда ты это знаешь?

Володин объяснил:

– Я сам в позапрошлую субботу хотел пару сетей туда перебросить. Ночью поплыл. За поворотом, в лесу, прямо у переката, вижу костер и тени какие-то. А тут чувствую, что моя лодка уперлась во что-то. Глянул – сеть! Отплыл к середине, обогнул ее, вновь к берегу, веслом задел вторую сетку. Интересно стало, кто это тут кроме меня рыбным промыслом занялся? Пристал к берегу – и кустами к костру. Из зарослей не выходил. Справа увидел охранника. Тот с ружьем таким, без приклада, какие в американских фильмах показывают, у воды бродил. Глубже в ряд машины. «Волгу» узнал сразу. Нашенская, из гаража районной администрации, «Волга» главы района. А вот иномарка непонятно чья. Понял, непростые люди гуляют, решил свалить. И свалил бы, если б этот чертов охранник дорогу не перекрыл. Сел, сука, в резиновую лодку, мне к воде никак не выйти!

– Где ж ты поставил свою посудину, что ее не заметил охранник?

– За поваленным деревом. Есть там такое, торчит корнями на суше, кроной в воде. И ни ледоход, что странно, ее не сносит, ни разлив. Но хрен с ней. Короче, выйти к лодке не мог. Че оставалось делать? Знамо че! Куковать в кустах, ждать момента слинять по-тихому. Думал, надоест этому дебилу-охраннику все время у воды сидеть. Холодно ведь. Не май месяц, и одет он был не очень-то тепло! Ан нет, так, козел, до утра на берегу и просидел, а я в кустах!

Горшков внимательно слушал браконьера, иногда делая пометки в своем блокноте. Вернее, чертил замысловатую схему, но этого Карасик не видел и продолжал:

– Всю ночь, почти до четырех, из палаток то стоны, то крики слышны были. Но такие, не от боли, а от траханья, я у племянника раз в Кантарске ночевал. Так жена его так же за стеной стонала. Она у Васьки молодая, а тот жеребец еще тот, до этого дела охотник большой.

Николай перебил браконьера:

– Это можешь пропустить, что дальше было?

– Дальше? Дальше, часов около семи, девки, как по команде, из палаток выпорхнули в кусты, понятно зачем. А шофера из машин вылезли и в лодки, поплыли сети снимать. Рыбы взяли много, но как уже говорил, только крупняк. Потом уху варили. К ним выходил и вице-губернатор, и наш местный князь. К костру подошли. Охранник к ним! Дальше я ждать не стал, бегом в лодку и восвояси. Вот так!

Николай произнес:

– Говоришь, в позапрошлую субботу гуляли?

– И в позапрошлую, и в прошлую, и до этого постоянно. Я днем разок в будний день туда съездил. Поляна утоптана прилично. Она чуть на высоте, ее и в разлив, если обычный, не заливает.

– Как же они, минуя Семениху, туда проезжают?

– Через Терхово. От поляны к селу как раз дорожка в лесу пробита. А в Терхове, сам знаешь, асфальт в соседний район начинается, ну и далее к Переславлю.

– Ясно. Следовательно, каждые выходные кайфуют наши власти?

– Каждый! Они ж устают! И от дел государственных, и от жен старых, вот и прутся на природу, считая, что все вокруг принадлежит только им. Да так оно и есть!

Последняя фраза разозлила Николая.

– Ни хрена не так! Не будет по-ихнему!

Володин удивленно взглянул на участкового:

– Неужто решишься кайф таким людям обломать?

– Каким таким? Люди все одинаковые!

– Смотри, как бы тебя не обломали. Хотя... тебя им трудно обработать будет, ты ж все-таки Герой России. Только если не обработают, то... убить могут! Легко! И концы в воду! Был

участковый – и пропал. Пустят слух – утоп. Поищут труп, не найдут, поверят. На твое место другого, а сами опять с блядами на поляну!

Нервный тик прошел по лицу Николая.

– А вот это, Карась, мы еще поглядим, кто кого обрабатает!

Володин намекнул:

– Я все тебе сказал, держи свое слово и ты!

– Не волнуйся, сдержу! Значит, сейчас поступаем так: на катере снимаешь все, я подчеркиваю, все свои сети и жжешь их прямо на берегу. После чего перегружаешь рыбу и плывешь в Кантарск. Но не туда, где тебя обычно перекупщики ждут, а к пристани. Там есть телефон. Из него звонишь в местный детский дом. Говоришь, чтобы приехали за рыбой. Весь улов отдашь детям. Понял?

Карасик вздохнул:

– Как не понять?

– Сдашь улов, найдешь племянника, передашь ему, что ваш бизнес закрыт!

– А если представители детдома или милиции, что иногда дежурят возле пристани, спросят, откуда рыба, что сказать?

– Скажи: мол, после половодья в овраге на мелководье задохнулась. Ты обратился ко мне, я разрешил ее выловить и отвезти в детдом. Не поверят, пусть звонят мне!

– Ясно!

– А ясно – работай! Я тут отираться не собираюсь, в деревню пойду, но все твои движения проверю. И не дай тебе господь что-то сделать не так! Пожалеешь!

– Да ладно, что я, дурак? Раз договорились, сделаю все как надо.

– Вот и хорошо! А что у нас сегодня за день недели?

Володин тихо проговорил:

– Пятница.

– Точно, пятница! А значит, высокие должностные лица области и района прикатят на свою поляну завтра, так?

– Так.

– Ладненько. Завтра мы с ними там и встретимся.

Володин испуганно произнес:

– Я не пойду туда!

– А кто тебя спросит? И еще, Карась, не хочешь больших проблем – о нашей беседе никому ни слова, даже жене собственной, я не говорю уже о племяннике!

– Так, само собой. Я не враг себе.

– Надеюсь. Но не стой, не стой. Ныряй в катер – и пошел снимать сети!

– Сам же задержал.

– Теперь не держу. Работай спокойно.

И, развернувшись, Николай поднялся по обрыву на поле, лежащее между рекой и деревней.

Подходя к деревне, Колян обернулся. От реки вертикально вверх, погода стояла безветренная, поднимался столб ядовитого желтого дыма. Карасик жег сети. Николай улыбнулся: вот так-то лучше будет!

Глава третья

Северный Кавказ. Отряд в количестве шестидесяти боевиков, ведомых полевым командиром Мухтаром Гейдаровым, или Черкесом, выйдя из ущелья, по дну которого проходила граница России с Грузией, остановился на привал. Наемники устали и, как только поступил приказ, разбрелись по ущелью, в поисках подходящих мест для отдыха. Черкес же подозвал к себе проводника-грузина:

– Шота, ты уверен в том, что вывел отряд в нужное место? На карте проход обозначен левее километров в пять! Как тут мы преодолеем Большой хребет?

Главарь банды указал на заснеженный, уходящий вершинами в облака, кажущийся неприступным заснеженный перевал.

– Твоя карта, Черкес, устарела! Там, где на бумаге обозначен проход, уже месяца три, как русскими оборудован горный блокпост, он наглухо перекрывает проход. Там не то что твоими шестью десятками бойцов, а и полноценным батальоном не пройти!

Черкес вновь указал на заснеженный перевал:

– А тут пройти?

– Через хребет – нет! Но мы и не пойдем на него. Поднимемся до трещины, чуть выше роши. Видишь эту трещину?

– Трещину вижу, но не вижу, каким образом она может помочь нам.

Грузин достал трубку и кисет.

– В самом начале трещины – узкий вход в пещеру, которая пробивает перевал насквозь, естественным тоннелем.

Черкес недоверчиво взглянул на проводника:

– И русские не знают о нем?

– Знают, но у них здесь недостаточно сил для блокирования всей границы. Сам видишь, мы спокойно вышли к территории России и не встретили ни погранцов, ни десантников. Они присутствуют, но западнее и восточнее. А пещера была заминирована. Нашим людям пришлось потрудиться, чтобы снять заряды, сейчас тоннель чист. Хозяин, перед тем как отправить с тобой, проинструктировал меня. У него есть свои люди в штабе русских. Так вот, через неделю сюда придут их саперы, проверить минно-взрывное заграждение. Но это произойдет через неделю, а нам, чтобы пройти сквозь перевал, понадобится чуть более суток. Уходить после рейда вы будете другим маршрутом.

Грузин глубоко затянулся, выпустив ядовитое облако дыма, которое обволокло и главаря банды. Черкес закашлялся:

– Что за гадость ты куришь, Шота?

Проводник усмехнулся:

– Это вы курите гадость, а я настоящий табак. Он не забивает, а прочищает легкие, облегчает походы по горам. Мой самосад покуришь утром – до вечера курить не захочешь, а вы свои соски тянете через каждый час. А потом, по окуркам, русский спецназ и выходит на ваш след. Но... это не мое дело. Давай и мы отдохнем. Через час надо начать подъем, чтобы засветло отряд втянулся в пещеру. Не забудь отдать приказ своим людям приготовить фонари и веревку. Пещера не прямой тоннель. Имеет много ответвлений, уводящих в такие лабиринты, что оттуда уже не выйти. Впрочем, и входить в них так же смертельно опасно. Мы разминировали лишь главный проход. Так что предупреди бойцов: идти в пещере следует строго по веревке, передний конец которой потяну я.

Черкес поинтересовался:

– Сам вернешься по той же веревке?

– Да! Но выходить на поверхность не стану. Дождусь наших людей. Они восстановят минные заграждения, чтобы русские саперы ничего не заметили. Тем самым будет обеспечена полная скрытность внедрения в Россию твоего отряда.

Главарь кивнул каракулевой папашой:

– Хоп, Шота! Хозяин, кажется, все предусмотрел. Где устроимся для отдыха?

Шота указал на валун:

– Да вон за ним. Там сухо!

Боевики направились к глыбе, непонятно откуда появившейся в каменистом ущелье.

Ровно через час Черкес объявил отряду построение. Банда выстроилась в двухшеренговый строй. Шота провел короткий инструктаж по совершению необычного марша. Затем, по приказу главаря командиров диверсионных групп, отряд был разбит на три равных, по двадцать штыков, подразделения, проверили наличие и исправность у подчиненных фонарей. Размотали взятую с перевалочной базы длинную веревку. Шота решил использовать ее и на подъеме.

Вскоре банда Черкеса длинной змеей потянулась вверх по склону к трещине. Бандиты шли в колонну по одному, держа в руках веревку, соединившую отряд в единое целое. На подъем ушло чуть более полутора часов. В 16.00 Шота первым втиснулся в узкую трещину, открывающую проход сквозь Большой хребет.

На противоположной стороне перевала, в лесном массиве, отряд Черкеса в наскоро оборудованном лагере ожидал известный чеченский головорез Теймураз-Костолом. С небольшой группой личной охраны неделю назад он прибыл в Чечню из Афганистана, где обрелась зима и где в штабе одного из руководителей крупнейшей в мире террористической организации получил задание резко дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе. Собственными силами Теймураз не мог выполнить поставленную задачу. События последних лет сократили некогда многочисленную его группировку до отряда, насчитывающего всего тридцать человек, и не позволяли Костолому более-менее серьезно ударить по федералам или по тем чеченцам, которые приняли новую власть. Да, отдельные террористические акты бандиты Теймураза проводили, но это не приносило тех результатов, на которые рассчитывали «за бугром». Поэтому для подготовки и проведения предстоящей операции, которой в Кандагаре дали название «Лавина», выделили отряд Гейдарова, прибытия которого и ожидал Костолом, расположившийся в своей палатке на самой окраине лагеря. Теймураз знал, что банда Черкеса вчера после обеда вошла в пещеру, пронзающую Большой хребет. Следовательно, если в ходе марша у наемников Гейдарова не возникнут непредвиденные проблемы, то к вечеру многоопытный Шота выведет отряд Черкеса в «зеленку», туда, откуда начинается глубокая балка, и где Теймураз уже выставил встречающий поддержку пост. С него сразу сообщат о прибытии Черкеса. Но это в том случае, если в пещере все пройдет гладко. Ничего непредвиденного не произошло, и в 18.15, когда мгла опустилась на горы и «зеленку», Теймураз получил долгожданное сообщение от поста у перевала о том, что ожидаемый из Грузии отряд вышел на поверхность.

Костолом тут же вызвал к себе помощника:

– Али! Возьми «УАЗ» и поезжай к посту. Привези сюда Черкеса и проводника. Остальные пусть устроят ночевку в балке. Перевезти их всех сюда мы не сможем, да и не нужно это, а пройти пешком до лагеря по лесу они не смогут физически. Так что пусть отдыхают до утра. Связь же с постом держать постоянно! Ты все понял, Али?

– Так точно, босс!

– Иди!

Помощник Теймураза удалился. Костолом же поднял руки и голову вверх:

– Слава Аллаху, началась операция удачно!

Он прочитал молитву, еле шевеля полными губами, опустил на кошму, приказав денщику Быцо, молодому, лет шестнадцати чеченцу, подать чаю и дозу отборной анаши. Сейчас Костолом мог себе позволить немного расслабиться. Тревожное состояние последних дней давило на психику бандита, и он вел себя нервно. Разговаривать же с Черкесом Теймураз должен спокойно. Наркотик в разумной дозе поможет ему обрести уверенность и спокойствие. Костолом услышал звук двигателя своего командирского «УАЗа». Посмотрел на часы. Али выехал в 19.10. До балки примерно двадцать километров. Это по лесу где-то полчаса езды. Столько же обратно. Значит, гостей следовало ожидать в 20.00—20.15.

И в расчетах своих Теймураз не ошибся.

Вернувшийся от перевала «УАЗ» остановился возле его палатки в 20.05! Дверки хлопнули, послышались приглушенные шаги, полог откинулся, и на пороге появился Али:

– Босс! Гости «из-за бугра» доставлены!

Костолом поднялся:

– Так что ж ты их на улице держишь, Али? Приглашай внутрь!

Помощник исчез. Теймураз по очереди обнял каждого из гостей, предложил присесть перед невысоким столиком. Али и без дополнительной команды знал, что в палатку босса следует подать сытный ужин.

Покончив с едой, дождавшись, пока денщик не убрал со стола остатки пищи, Теймураз спросил проводника:

– Шота, ты когда должен уйти обратно?

– Завтра с утра.

– Тогда, дорогой, иди отдыхай. Паренек, что подавал пищу, ответит тебя в теплую отдельную палатку. К сожалению, женщину предложить не могу, не та обстановка, но ее заменит отменная анаша, что унесет тебя в мир грез и див, позволив и наслаждаться чудными видениями, и выспаться как следует.

Проводник согласно кивнул и вышел на улицу. Затем Теймураз обратился к Черкесу:

– Сейчас обсудим план предстоящей операции «Лавина» или дождемся утра?

Гейдаров ответил:

– Лучше дождемся утра, когда сюда подойдут командиры моих диверсионных групп.

– Согласен. Тогда скажи одно: смертники прибыли?

Черкес спокойно проговорил:

– Прибыли. Двадцать человек. Третья группа пуштуна Рахадала.

– Хорошо. Это хорошо! И они готовы умереть за веру?

Гейдаров небрежно усмехнулся:

– Конечно, на то они и смертники. Не зря же с ними специально работали инструкторы Халифа почти год! Но раз задал вопрос ты, позволь спросить и мне.

– Конечно, Черкес, я слушаю тебя.

– Почему операции дали название «Лавина»? Она что, будет проводиться в горах?

Костолом ответил:

– Нет. Операцию проведем на равнине, а назвали ее «Лавиной» потому, что по результатам акция должна иметь последствия для врага не менее разрушительные, нежели те, что несет в себе настоящий сход настоящей лавины.

– Понятно. Где мне обустроиться на отдых?

– Также в отдельной палатке, куда проводит помощник!

– Хоп! Вот только анаши мне не надо. Обойдусь без грез.

– Дело твое.

Теймураз выкрикнул:

– Быцо!

Откинув полог, появился юноша:

– Я, господин.

Костолом кивнул на Черкеса:

– Отведи гостя в его палатку.

– Слушаюсь, господин, что-нибудь еще?

– Нет, пока все.

Гейдаров поднялся, пожелал Теймуразу спокойной ночи и вышел вслед за денщиком.

Костолом остался в палатке один. Али ждал на улице, но главарю банды помощник сейчас был не нужен. Теймураз в данный момент никого не хотел видеть. Он прикурил длинную папиросу, набитую марихуаной, вторую за вечер, глубоко затянулся, вдыхая дым. После пятой затяжки главарь банды лежал на кошме, устремив невидящий взгляд горящих неестественным огнем глаз в потолок палатки. Слюна стекала с губ бандита, по физиономии блуждала идиотская улыбка. Наконец видения исчезли, и главарь банды уснул наркотическим сном. Проснулся он около восьми часов от шума, доносившегося из леса. Крикнул денщика:

– Быцо!

Тот объявился мгновенно, так как всю ночь охранял покой босса:

– Да, господин. Доброе утро.

– Какое оно к черту доброе, что за суета в лагере?

Денщик объяснил:

– Прибыл отряд господина Черкеса!

– А?!

– Я согрел уже воду, подать?

– Давай! И чаю покрепче!

– Слушаюсь, господин.

В 9.00, приведя себя в порядок, Теймураз, облаченный в боевую форму, вышел в лагерь. Гейдаров стоял на опушке вместе с помощником Костолома, Али, о чем-то оживленно разговаривая. Теймураз недовольно подумал: что за тему общую они нашли? Не иначе обсуждают общую обстановку в республике, которая, к сожалению, в последнее время складывается далеко не так, как этого хотели бы местные моджахеды и их забугорные хозяева. При виде главаря банды помощник и наемник замолчали.

Костолом поздоровался:

– Ассолом аллейкум, уважаемые!

Бандиты ответили:

– Ва аллейкум, Теймураз!

– Идемте, господа, с помощью Аллаха приступим к делу.

Троица террористов прошла в специальную армейскую палатку, служившую временным штабом Теймураза.

Внутри стоял стол и складные стулья вокруг него. Костолом пригласил Черкеса и Али занять места за столом, на крышке которого расстелил карту Северного Кавказа.

Поправив амуницию, сказал:

– Итак, господа, нам предстоит провести операцию «Лавина», главной задачей которой является захват поселка Звездный, массовое уничтожение населения, продавшегося неверным. Ликвидация местного городского отдела внутренних дел, разрушение здания администрации поселка, расстрел ее руководителя по возможности и отход через старую сторожевую заставу, которая до сих пор представляет собой достаточно крепкую, но уязвимую крепость. Вот общая задача отряда. Да, совсем забыл, оператор с камерой прибыл, Черкес?

Гейдаров кивнул:

– Прибыл, Теймураз!

– Хорошо! Он должен снимать на пленку все, что будет происходить в Звездном. И отдельно мое выступление на фоне разрушенной и подожженной администрации поселка и трупов неверных! Эта пленка потом уйдет в российские и зарубежные СМИ.

Черкес спросил:

– А почему мы собрались здесь втроем? Почему на совещание не приглашены командиры моих диверсионных групп?

Теймураз поднял руку:

– Я понял тебя, Черкес, и приглашу командиров диверсионных групп, но позже, когда мы небольшим советом утвердим план действий по операции «Лавина» и останется поставить конкретную задачу каждому командиру диверсионного подразделения. Но если ты, Черкес, не согласен с моим решением, Али тут же вызовет твоих людей.

Главарь банды наемников отмахнулся:

– Ладно. Я согласен с тобой. обойдемся пока без них.

Он наклонился над картой, проговорив:

– Значит, Звездный? Что это за поселок? Сколько в нем жителей, имеет ли он защиту федеральных сил и местных ментов? И, главное, как будем уходить из него после акции?

Теймураз взглянул на Али.

Тот поднялся. В это время в фанерную дверь постучали.

Костолом крикнул:

– Ну что там еще, Быцо?

Денщик, приоткрыв дверь, проговорил:

– К вам господин Шота!

– Впусти его!

Вошел грузин. Поздоровался.

– Вижу, вы уже начали работу, я же зашел проститься, так как уйду. Хотел попросить машину, чтобы быстрее попасть к пещере и не сбивать ноги попусту в лесу.

– Конечно, Шота, какие могут быть проблемы? Быцо!

Вновь появился денщик.

Главарь банды приказал:

– Быцо, обеспечь доставку моей машиной господина проводника к перевалу!

– Есть, господин!

Теймураз повернулся к грузину:

– Прощай, Шота!

Тот усмехнулся:

– Я предпочитаю «до свидания», Теймураз!

– До свидания, Шота!

– Вот так оно лучше! Удачи вам, господа, и благополучного возвращения на территорию гостеприимной Грузии. Даст бог, еще встретимся.

Бандиты поблагодарили проводника, и тот вместе с денщиком покинул штабную палатку.

Али спросил:

– Я могу начинать, Теймураз?

Главарь банды кивнул:

– Да, Али, мы с Черкесом внимательно слушаем тебя.

Помощник Теймураза начал доклад, из которого следовало, что поселок Звездный представляет собой населенный пункт с населением до 5000 человек. Он имеет статус города и не является районным центром. Управление Звездным осуществляет администрация во главе с мэром и городским советом народных депутатов. Звездный компактно расположен на равнине, но недалеко от начала горной системы, имея с севера равнину и длинный, глубокий овраг с пологими склонами. С юга протекает река Унжа, которая в двадцати километрах от города

меняет направление и уходит на север. Так что подъезд к Звездному с востока осуществляется через мост. С запада равнина и продолжение трассы на Нальчик. А с северо-запада от поселка раскинулась большая роща с оврагом. Сам населенный пункт условно можно разделить на пять секторов, с главной улицей Звездного, улицей Победы с площадью Революции в середине. На этой площади находятся и администрация, и здание городского отдела внутренних дел. Но по порядку: сектор А – это район частных застроек, ограничивающийся уже отмеченной улицей Победы, улицей Гамзатова и улицей Гагарина. Сектор Б – опоясанный улицами Возрождения и Вокзальной, расположен напротив сектора А через улицу Победы и представляет собой микрорайон четырехэтажных домов со школой. Сектор Г – на северо-западе поселка, там же участок частных домов. В секторе В, что напротив сектора Г, опять-таки через улицу Победы, – частные дома, но их там мало, так как большую часть сектора занимает городская больница, и что важно – на юге сектора В находится старая крепость. Главным и самым опасным для боевиков участком города является сектор Д, в котором дислоцируется отдельный батальон мотострелковой бригады Северо-Кавказского военного округа и отряд московского СОБРа. Там же военный городок, то есть гарнизон Звездного. Гарнизон расположен прямо за зданием городского отдела внутренних дел в секторе Д и является составной частью боевой группировки, имеющей целью защиту поселка от внешнего нападения.

Сказав о нападении, Али усмехнулся, добавив:

– Нападения, которое сейчас и планируется здесь!

Теймураз приказал:

– Не отвлекайся, Али!

Помощник главаря банды продолжил доклад. Трассу, проходящую через Звездный, перекрывают с востока и запада блокпосты мотострелкового батальона. Состав постов по восемь человек и два бронетранспортера с каждой стороны. Восточный пост вынесен к мосту через Унжу. Служба на блокпостах организована круглосуточно со сменой в 8.00. Во главе с прапорщиком, реже младшим офицером. Кроме того, батальон держит постоянный взводный караул в старой крепости, но он несет службу пассивно, имея двух часовых на фронтальной стене над аркой въезда в крепость. Остальной личный состав находится в резерве, другими словами, спит. Командует караулом взводный офицер. Естественно, охраняется внутренним караулом батальон и военный городок. Город патрулируется нарядами ППС и ДПС. Это пара «УАЗов» постовиков и «Волга» гаишников.

Али поклонился:

– Вот, пожалуй, и все.

Поднялся Костолом:

– В воскресенье из Грозного через Звездный в горы на оборудование позиций российских горно-стрелковых бригад должна выйти автомобильная колонна из десяти машин, «КамАЗов» и «Уралов» с вещевым имуществом в сопровождении двух БТРов и полувзвода охранения. Ориентировочное время прохождения колонны по мосту через Унжу – 11.00. До этого группа смертников твоего, Черкес, отряда должна занять позиции в лесных массивах справа и слева от дороги. За рекой в лесу находится схрон, где сосредоточено большое количество взрывчатки. Охраняют схрон четверо моих бойцов. Солдаты батальона на посту, как я уже говорил, меняются в 8.00 каждого дня. В 10.00 мои люди выйдут из «зеленки» и снимут пост огнем бесшумных снайперских винтовок. Затем остановят колонну перед въездом на мост. Как только русские встанут, смертники должны атаковать колонну. Но не допустив шума. Как это сделать, решать тебе, Черкес.

Главарь наемников согласно кивнул:

– Решу!

– Далее! БТРы и семь машин отгоняем в южный лесной массив. Солдат колонны уничтожаем. Три «Урала» или «КамАЗа» перегоняем к схрону, где смертники вместе с моими

бойцами выбросят из них вещевое имущество и загрузят взрывчатку. Сделать это надо быстро. Как только перегрузка закончится, эти машины должны выйти на трассу и войти в город, прорвав оборону восточного блокпоста, после чего выполнить свою главную миссию – таранить основные объекты Звездного, здание администрации, ГОВД, а также штаб мотострелкового батальона. Одновременно с отработкой задачи по колонне бойцы других групп отряда Черкеса должны охватить город с трех сторон и к 11.00 занять позиции в северной балке и овраге северно-западной роши. По команде начать операцию, суть которой вам известна! Все диверсионные группы по мере выполнения задачи должны продвигаться к крепости, чтобы захватить ее, смяв оборону взвода пехотного русского батальона. Почему к крепости? Потому, что оттуда мы и будем уходить из разгромленного поселка. Застава стоит на берегу реки. Внутри вышка. Из этой вышки под Унжей сотни лет назад тогдашние обитатели крепости проложили подземный ход, выходящий в лес. Русские, как ввели в город войска, обвалили тоннель, но моим людям в ходе подготовки операции удалось пробить в завале проход, через который с трудом, но можно уйти за реку. Итак! Войдя в крепость, действуем по плану отхода с применением смертников. Они будут имитировать оборону объекта всем отрядом, до того момента, пока их не уничтожат русские! Такова их святая миссия. У меня все! Вопросы?

Подал голос Черкес:

– Раз батальон принадлежит мотострелковой бригаде, то он не может дислоцироваться на значительном расстоянии от главного штаба соединения. Особенно здесь, на Кавказе. Где находятся другие части бригады? И вообще, что за войска расположены в радиусе километров в сто от Звездного?

Теймураз ответил:

– Батальон, действительно, не может дислоцироваться в значительном отрыве от основных сил. Другая часть мотострелковой бригады находится в двадцати километрах западнее Звездного. Также в шестидесяти километрах от поселка, но уже севернее, рядом с селением Чами, стоит вертолетный полк и полк внутренних войск. Не исключено, что в Звездном на момент штурма может оказаться особая группа чеченской милиции во главе с известным Ахмадом Аминовым или Драгуном, как его зовут неверные.

Главарь наемников задумчиво произнес:

– Ты что, не мог выбрать для нападения другой, менее защищенный населенный пункт? Почему остановился на Звездном?

Теймураз ответил:

– Во-первых, брат, не я решал, что, когда, какими силами и ради чего атаковать! Мне отдан приказ. Во-вторых, те, кто планировал операцию «Лавина», далеко не дилетанты в ведении партизанской войны. Да, объект для нападения непростой, но если действовать стремительно и слаженно, то мы разнесем его, а главное – крепость дает нам неплохой шанс уйти от русских. Применив отвлекающий маневр с привлечением к операции смертников и выйдя в «зеленку» за Унжу, а далее к перевалу, основные силы объединенного отряда оторвутся от преследования и уйдут на основную базу в горы. Откуда, выждав некоторое время, ты, Черкес, вернешься в Грузию. Получишь деньги и отправишься на отдых в Турцию, Грецию или на Кипр, куда душа пожелает. Сумма за акцию обещана очень даже хорошая! И деньги уже переведены частью в Анкару, частью в Тбилиси.

Черкес потер подбородок:

– Все это хорошо. Но вернемся к операции, потому как деньги за шикарный отдых нужно еще отработать. Задача моего отряда ясна. Но ты и словом не обмолвился о том, что в Звездном намерены делать твои люди, Теймураз? Кроме четверки, что снимет выносной блокпост у моста. Или своих джигитов ты решил придержать в резерве? И в город не вводить?

Теймураз бросил острый взгляд на подельника:

– Мои люди, Черкес, уже в Звездном!

Гейдаров удивился:

– Вот как? И что они там делают, если не секрет?

– Какой секрет? Готовятся выполнить собственную задачу. Ты о ней узнаешь. Перед штурмом.

Черкес развел руки:

– Больше вопросов у меня нет, но они могут возникнуть у командиров подчиненных мне диверсионных групп. Готов ты им поставить задачу?

– Готов! Вызывай сюда своих командиров.

Гейдаров вышел из палатки, чтобы тут же вернуться с тремя боевиками. Представил их:

– Это командир первой группы Саддам, позывной «Джейран-1»; рядом Хельмут, командир второй группы, позывной «Джейран-2»; слева Рахадал, третья диверсионная группа, особая группа, позывной «Пуштун».

Повернувшись к подчиненным, Черкес представил чеченцев:

– А перед вами, братья, наш общий командир – известный в Чечне полевой командир Теймураз Башиев. С ним его помощник Али. Их позывные вы узнаете позже, как в этом проявится необходимость.

Теймураз предложил наемникам:

– Присаживайтесь, господа, обсудим более подробно то, что вам вместе предстоит сделать в ближайшее воскресенье.

Боевики подчинились.

Пришлось Костолому вновь повторять то, что он уже говорил, правда, на этот раз подробнее останавливаясь на задачах конкретных участников планируемой акции. Совещание закончилось без десяти час. Обсудив операцию, Теймураз встал:

– А сейчас, господа, обед, через час после него сворачиваем временный лагерь и совершаем марш на основную базу.

Черкес спросил:

– И далеко до нее?

Теймураз ответил уклончиво:

– К вечеру доберемся, с помощью Аллаха.

– Отряд пойдет пешком?

– Да. Его поведет Али. Мы с тобой выедем на «УАЗе», чтобы встретить бойцов на месте.

Или ты пойдешь со своими людьми?

Перспектива пройти по лесу и холмам, судя по всему, не один десяток километров, явно не светила главарю наемников. Поэтому он, криво усмехнувшись, ответил:

– Как-нибудь в другой раз! Тем более такой случай, как понимаю, еще представится во время отхода от Звездного!

Теймураз хлопнул наемника по плечу:

– Ты прав, Черкес! Силы на войне, когда есть возможность, надо беречь, они пригодятся в бою. Командуй своими людьми.

Черкес подал команду командирам диверсионных групп покинуть штабную палатку и заняться личным составом. Организовать прием пищи, послеобеденный отдых и подготовку к совершению длительного марша.

Сам остался с Теймуразом. Они пообедали втроем. Костолом, Гейдаров и Али. Обслуживал главарей все тот же паренек Быцо.

Черкес во время обеда поинтересовался:

– А что за пацан, Теймураз, обслуживает тебя?

Костолом ответил:

– Э-э, беспризорник. Его отец связался с русскими. Работать к ним пошел. Я решил наказать предателя. Мои люди подорвали его дом, вместе с братом, матерью, отцом и еще кучей

детей. Сам Быцо в то время овец пас. Потому и жив остался. Ушел из села, да к нам и попал. Задержал его в лесу мой пост. Поговорил с ним. Остался.

– Не думаешь, что он может на русских работать?

– Да ты что, Черкес? Быцо под полным контролем. Да и трус он, каких поискать. Боится смерти. Так что он совершенно безвреден.

– Кто знает, кто знает...

Теймураз отрезал:

– Я знаю! И этого достаточно!

Черкес пожал плечами:

– В настоящее время ты босс и твое слово закон.

– Вот именно.

Костолом крикнул:

– Быцо!

Тут же появился паренек, судьбу которого только что обсуждали боевики:

– Да, господин!

– Убери со стола и передай приказ водителю моей машины готовиться к выезду на главную базу. Отправляемся через двадцать минут, ты поедешь с нами.

– Я все понял, хозяин, разрешите выполнять приказ?

– Разрешаю!

В 12.40 «УАЗ-469» с Теймуразом, Черкесом, Быцо и одним охранником покинул лагерь, выехав на едва заметную дорогу, вьющуюся змеей между деревьев.

Спустя три часа вездеход остановился на окраине разрушенного аула, расположенного под склоном высокого хребта. Слева по камням несла свои чистые воды горная речушка, за ней стелилась полоса довольно густого кустарника. Выйдя из машины, Теймураз указал на руины:

– Вот и основная моя база!

Черкес удивился:

– Ты называешь эту грудку мусора базой?

– Не все так просто, Черкес! Здесь настоящая база, и ты в этом совсем скоро убедишься.

Идем!

Теймураз направился к реке.

Из-за камня возник боевик. Поприветствовал командира:

– Ассолом аллеюкум, босс! С возвращением вас!

– Спасибо! Как здесь, спокойно?

– Спокойно, босс!

– Сообщи Айне, чтобы встречала меня с гостем!

– Сделаю, босс!

Теймураз кивнул наемнику:

– Идем дальше!

Тот поинтересовался:

– А кто такая Айна? Насколько знаю, твои жены за рубежом!

– Айна наложница. Рабыня. Дочь такого же шакала, как и отец Быцо, продавшегося федералам. Шакала, которому я отрезал голову на глазах у его семьи. Затем велел казнить и жену с детьми. Оставил в живых лишь Айну. Сам понимаешь, без бабы в горах плохо. Вот она и обслуживает меня в постели.

– И она подчинилась тебе?

– Сначала взбрыкивала, пороть приходилось. Потом смирилась. А куда ей деваться? Лучше уж ноги раздвигать, чем висеть на дереве, подвешенной за эти самые ноги. Надо отметить, очень красивые ноги.

Физиономия Черкеса расплылась в похотливой ухмылке:

– А у тебя еще одной наложницы, случайно, нет?
– Нет. Одна Айна. Но я дам тебе возможность насладиться ею. После себя! Не побрезгуешь?

– Нет. Я не брезгливый.

– Вот и договорились.

– Слушай, Теймураз, у тебя всего тридцать человек, четверо у схрона в «зеленке» недалеко от Звездного, здесь наверняка не меньше десятка бойцов, сколько же людей ты внедрил в поселок?

Костолом взглянул на Гейдарова:

– Столько, брат, сколько нужно, чтобы выполнить ту миссию, которая возложена на них. А почему тебя это интересует? Ты придан мне, и только я вправе решать, как организовывать операцию, потому что в случае провала не ты, а я буду отвечать за все!

– Э, Теймураз! В случае провала отвечать перед забугорными хозяевами будет некому. Допустим ошибку, русские не выпустят нас из поселка. Или загонят преследованием. Уйти полюбому не дадут. Это раньше можно было торговаться с ними, сейчас бесполезно. Федералы пускают вместо себя верных им чеченцев, а те переговоров не признают! Так что никто ни за что отвечать не будет! Ну, разве что перед Аллахом после смерти! Этого правомерному мусульманину не миновать. А отвечать нам с тобой есть за что. А посему спешить на тот свет не стоит.

За разговорами обошли аул.

На этой стороне сохранились пригодные для проживания дома. На берегу Черкес заметил холмик, сложенный из мелкого камня, спросил у Теймураза:

– А это что за куча камня? Ориентир какой?

– Да, ориентир. Ты слышал о боях за высоты у Косых Ворот?

– Конечно.

– Так вот. Эти высоты находятся недалеко отсюда. Ты их увидишь, мы будем выходить из ущелья на равнину, как раз через те проклятые ворота.

Черкес удивленно взглянул на Теймураза:

– Ты участвовал в тех боях?

Костолом усмехнулся печально:

– Я, Черкес, руководил тем штурмом.

– Вот даже как? Извини, но скажи, почему получилось так, что многочисленная группировка сил сопротивления так и не смогла сбить с высот какую-то роту? Роту, укомплектованную обычными восемнадцати-двадцатилетними пацанами? Сколько их было? Сто человек? Больше? Но вас тысячи! А в итоге поражение! Почему?

Теймураз вздохнул:

– Я сам не раз задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Мы, то есть я, Рашидхан, Окулист, предприняли все возможное, чтобы сбить роту с высот, и это в конечном итоге нам удалось, но какой ценой? Русские дрались как одержимые! Ни до тех боев, ни после я ни разу не сталкивался с подобным сопротивлением! В той роте было человек сто пятьдесят, не больше. Роту усилили два взвода, один из них специального назначения. Да, их поддержала авиация, артиллерия, но не настолько, чтобы переломить ситуацию. Мы обязаны были уничтожить русских. Но с нами дрались не люди, а шайтаны. Казалось, что, даже погибнув, они продолжали вести бой. Мертвыми сражались! У этих пацанов кончались патроны, тогда они бросались на шеренги с гранатой и простреленные насквозь подрывали себя вместе с нашими людьми. Я пускал впереди живые щиты, русские умудрялись отсекал их и уничтожать бойцов. Мы окружили роту, но солдаты отбивались и в окружении. Среди них был чеченец. Ты должен знать его. Это Шах! Он помогал русским.

Черкес переспросил:

– Шах? Уж не Амир ли Расанов, который сейчас командует отрядом чеченского спецназа, подчиненного лично президенту?

– Он самый! Попил нашей кровушки этот Шах! Ты спрашивал, что за куча камней навалена у реки? Так вот, холм обозначает место, где Шах вместе с капитаном спецназа, приданного той пятой роте, завалил самого Хабиба и уничтожил всю его личную охрану!

– Вот как? Так это произошло здесь? Но как Шах вышел на Хабиба и каким образом возле аула оказался спецназ русских? Ведь пространство за Воротами, включая ущелье, было буквально напшиговано вашими людьми?

– Этого я не знаю. Но им удалось сделать это! Убить Хабиба с охраной и вернуться на позиции. А заодно и засесть те силы, что втайне от федералов сосредоточивались здесь для рейда по Чечне. Если б не проклятая рота, близлежащие районы мы залили бы кровью! А вместо этого умылись ею сами. Когда рота, практически уничтоженная, прекратила сопротивление и мы вышли на высоты, добить гяуров, оказалось, что Шах успел увести в расщелину раненых, способных передвигаться. Я выслал погоню, дабы притащить неверных обратно на высоты, где и казнить их, но ротный, будь проклято его имя, оставшийся на позиции, вызвал огонь артиллерии на себя. Что произошло дальше, страшно вспомнить. Снаряды гаубиц накрыли всю равнину с «зеленкой» у карьера и высоты! Земля вздыбилась и горела, как уголь. Все вокруг горело и взрывалось. А потом из расщелины появился русский десант. Он уничтожил и силы преследования и добил тех, кто остался в живых после артобстрела. Немногим удалось уйти в горы, немногим. Повезло и мне. Пришлось прикинуться мертвым и только потом, как стемнело, уйти от проклятых высот. Мне и сейчас по истечении нескольких лет снятся те бои, тогда я просыпаюсь в холодном поту, и мне хочется кричать, кричать и выть от ужаса!

Черкес положил руку на плечо Теймураза:

– Ладно, успокойся! Что было, то прошло! У русских есть хорошая пословица – кто старое помянет, тому глаз вон!

– Спасибо. Вот почему я решил оборудовать основную свою базу здесь. Русские, потеряв на высотах роту, отвели отсюда войска, выставив заслон севернее. А местность за Воротами даже облетают редко. Видимо, решили, что тут все, что могло произойти, уже произошло.

Черкес спросил:

– И за все время они сюда даже разведывательных групп не бросали?

– Нет.

– Что ж. Ты принял мудрое решение, действуя по убеждению весьма сомнительному, но широко распространенному, что дважды в одну и ту же воронку снаряд не попадает.

– Да, исходил именно из этого принципа. А вот и Айна.

Черкес резко обернулся. Увидел на входе в крайний глиняный дом невысокую хрупкую, тонкую, как ветка ивы, девушку, с виду еще совсем ребенка. Хотя ей пришлось уже испытать все, что суждено испытать женщине-невольнице, если не больше того.

Главарь наемников спросил:

– Так это и есть твоя наложница? Мне кажется, она тебя с трудом выдерживает, а подо мной сдохнет. Слишком уж тоща и слаба. Я представлял ее другой.

Теймураз усмехнулся:

– Никогда не верь первому впечатлению! Айна не только нас двоих в постели выдержит, но еще и с десятков бойцов. Выносливая сука, хоть и хрупкая, здесь ты прав. И послушна. Надо только припугнуть, будет делать все, что захочешь!

– Да? И когда я заполучу ее?

– Как и договаривались, как только я попользуюсь ею. Дождемся отряд, разместимся на ночь, она сама придет к тебе на отдых. А дом выбирай сам. Не смотри на внешний вид, внутри мазанки теплы и уютны!

Теймураз подозвал наложницу, спросил:

– Ты приготовила воду для душа?

Молодая женщина тихо ответила:

– Да, господин!

– Соскучилась?

– Вы же знаете, мне неведомо удовольствие от близости с мужчиной!

– Тем не менее этой ночью тебе придется обслужить не только меня, но и друга.

Костолом кивнул на Черкеса.

Гейдаров хищно ощерился.

Айна ответила:

– Как прикажете, господин.

– Хороший ответ. В покорности – твоя жизнь, женщина. Сопротивление или каприз – смерть. Мучительная смерть, помни это.

– Я помню.

– Тогда иди, подготовь белье в душевой. Для меня и друга. Пошла.

Женщина повернулась и быстро ушла за крайний дом.

Теймураз достал косяк анаши:

– Раскумаримся, Черкес? Или и сейчас откажешься?

– Сейчас не откажусь. Прикуривай!

Отряд достиг базы в 22.20.

Марш вымотал его, и боевики в большинстве своем, отказавшись от ужина, разбрелись по мазанкам спать.

А в два часа ночи к Черкесу пришла Айна.

Голодный наемник буквально набросился на женщину. И терзал ее, пока полностью не удовлетворил свою животную похоть. И выгнал наложницу.

Бандит уснул в четвертом часу, чтобы в семь уже быть на ногах. И сон ему снился страшный. Вот только Черкес не понял, о чем.

Отсюда и плохое настроение, с которым он после водных процедур явился к Теймуразу.

Наступила пятница. До проведения кровавой карательной операции «Лавина» оставалось двое суток.

Завтра отряд боевиков должен был выйти на равнину, откуда начать движение к обреченному на погром поселку Звездный.

Глава четвертая

В субботу с утра Горшков направился к Карасику. Встретила его супруга Володина, Нина. Приходу участкового жена браконьера была явно не рада. Поэтому, подметая двор, сделала вид, что не заметила, сильнее начав разгонять пыль вокруг себя. Поднимая вместе с пылью и мусор, который не убирался у Володиных месяцами. Сегодня Нина решилась-таки навести порядок возле хаты. Но точно не по собственному желанию. Скорей свекор заставил. Самому Карасику и его благоверной грязь двора была как-то по барабану. Не отличались чистоплотностью Володины.

Пришлось Николаю обозначить свое присутствие.

– Нина!

Женщина и на этот раз не среагировала на участкового, не услышала будто.

Горшков позвал громче:

– Нина, мать твою!

Володина опустила веник, бросив на незваного гостя ненавидящий взгляд:

– Чего тебе? Не видишь, люди делом заняты? Это тебе лишь бы по деревне шарахаться, все одно деньги отвалют, а нам... нам работать надоть, чтобы на хлеб заработать!

Николай усмехнулся:

– Это кто работает? Ты, что ли? Интересно, где и кем?

– Тебя это не колышет!

Горшков резко открыл калитку, вошел во двор:

– Ошибаешься, женщина! Меня на вверенном участке все колышет!

– Совести у тебя нет, Колян! Лишил людей средств к существованию, так еще и издеваться пришел. Че тебе щас-то от нас надоть?

– Муженек мне твой нужен, вот что надоть.

Нина бросила метлу к сараю. Переспросила:

– Муженек?

– Ты глухая? После того как Карась на реке сторел, оглохла с горя?

– А ты не насмехайся! Выпендрился? Службу справил? Браконьера поймал? Так езжай в район, там тебя отблагодарят, новые погоны навесят. Так на горе людском и выбьешься в начальники!

Горшков повысил голос:

– Ты, Нина, не с соседкой базаришь, а с представителем власти! Обидели, видишь ли, ее, хлеба лишили! Работать, как другие люди, надо, а не браконьерничать. А погоны мои не тронь, а то я так трону, что мало не покажется! Давай сюда мужа!

– Возьми! Вон он в хате, за печкой дрыхнет! Попробуй разбуди. Он вчерась так набрался, как никогда в жизни не пил. Довел мужика!

Николай поправил портупею:

– Вот что, Нина, будить Карася я не буду. Постою здесь, покурю. А ты ему, спящему, шепни на ухо: не выйдет через пять минут, пожалеет! Одно дело – с сетями попался, другое – если я вас еще с самогоном накрою! Из сарая так и прет запах браги! Подошла поди, выгонять собрались? Вот и выгоните на штраф приличный для начала с конфискацией всего самогонопроизводящего оборудования, сырья и готовой продукции!

Нина сплюнула на подметенный двор:

– Ну и аспид ты, Колька! Хуже банного листа!

Но угроза насчет самогона подействовала. В сарае, действительно, стояли две фляги с отбродившей брагой, а также самогонный аппарат, да в доме хранилось литров десять сивухи. А Николай слов на ветер не бросает, раз сказал, то сделает. Женщина поднялась на крыльцо и

скрылась в хате. Вскоре оттуда появился Карасик. Лицо опухшее, волосы невымытые, фуфайка на голом теле, штаны да тапочки на босу ногу. Спустившись во двор и закурив, Володин спросил:

– Чего звал-то, начальник?

– Сегодня какой день?

– Суббота!

– Вот именно, суббота, а когда на перекат наезжают высокопоставленные беспредельщики? В субботу?

– Ну и че?

– А то! Приводи себя в порядок, одевайся как следует и жди. Поедем засаду на чиновников устраивать.

Володин широко открыл мутные глаза:

– Ты че, с ума сошел? Я думал, ты тады на реке пошутил.

– Как видишь, не пошутил. А ты чего испугался?

– Ни хрена себе! О чем спрашиваешь? Да от них как можно дальше держаться надо, а ты решил...

Горшков перебил Володина:

– Что я решил, мое дело. И сделаю его без посторонней помощи. Тебя впрягать не буду.

Пойдешь понятым после того, как я их на сетях возьму!

– Ну, ты даешь! Ага, возьмешь?! Да кто тебе позволит брать таких людей?

– Короче, Карась, я все сказал. Через час выезжаем! И не вздумай слинять, пока я буду отсутствовать! Тогда найду другого понятого, а вот ты вновь понесешь значительный ущерб.

– Какой еще ущерб?

– А вот об этом у Нинки своей спроси! Все, я ухожу. Через час чтобы у калитки стоял!

– Но почему я?

– Потому что ты знаешь, где устраивают бардак наши чинуши! Еще вопросы есть? Нет! Вот и хорошо! Значит, ровно через час!

Не дожидаясь ответа Володина, Николай вышел на улицу. Прошел до усадьбы друга детства – Тихонка Рудина. Тот, в отличие от Карасика, не спал, ремонтировал мотоблок. Горшков поздоровался от забора:

– Привет, Тихон!

– А?! Колян? Здорово! Что-то давненько не заходил, а нынче с утра явился, дело, что ль, какое?

– Дело, Тихон, дело.

– Так чего встал у плетня? Проходи во двор. Покурим, поговорим. А то меня этот мотоблок совсем достал. Не хочет заводиться и баста! А в чем причина, не пойму. Глядишь, вместе разберемся.

Николай прошел через калитку, присел на бревно рядом с другом. Кивнул на мотоблок:

– С этим я тебе не помощник. В технике как в балете. «УАЗ», и тот отец смотрит. Вот кого надо позвать!

Рудин махнул рукой:

– Да ладно, хрен с ним! Найдем мастерового, починит. Слышал, ты Митяя арестовал да Карася прищучил?

– Было дело. Но это мелочи.

– А что не мелочи?

– Да проблема одна нарисовалась. Надо нынче в ночь решить.

– Проблема, говоришь? И что за проблема?

– Тут, Тихон, дело такое...

И Горшков рассказал другу то, что узнал о гулянках областных и местных чиновников.

– Ты понимаешь, Тихон! Этих уродов к власти допустили для чего? Для того, чтобы на народ работали, так?

Тихон согласился:

– Так.

– А они что вытворяют? Простых людей, нас с тобой, и в хрен не ставят. Они, получается, хозяева, и закон им не писан, а мы рабы, которые на них, козлов, пахать должны. Я вот Караса на браконьерстве поймал. И дай ход делу, плохо оно для Володи закончилось бы. А этих, хозяев, мать их, сообщи в райотдел, в момент запретили бы трогать. Не дай бог, ни в коем случае! Разве подобное справедливо?

– И ты решил зацепить чиновников с личным, да?

– Угадал.

– И не подумал о том, что опосля их братия с тобой сделает?

– Подумал. Ничего не сделает, если операцию с умом провести.

Тихон взглянул на друга детства:

– Это как с умом?

– Главное, чтобы все по закону. Чтобы с понятными и уликами.

– Так ты пришел меня в понятые нанимать?

– Я никого не нанимаю. Просто знаю, что на тебя всегда могу рассчитывать.

Тихон улыбнулся:

– Это верно. Но одного понятого маловато будет.

– Вторым Карась пойдет!

Рудин удивился:

– И что, Мишка Володин согласился?

– Конечно! Со вчерашнего дня он свой гражданский долг очень правильно понимать начал. Правда, объяснять кое-что пришлось, но главное, человек все правильно понял.

На этот раз Тихон рассмеялся:

– Хорошо, видать, ты прессанул его!

– Это уже другая тема! Так пойдешь со мной?

– Ну, какой базар, Колян? Ружье брать?

– Нет! А вот видеокамеру... Слышал, недавно приобрел ты импортный аппарат, возьми. С кассетой и аккумуляторами заряженными!

– Это без проблем! Кино снимать будем?

– Угу! Интересное кино получится, Тихон! Это я тебе гарантирую!

– Когда выдвигаемся?

Горшков посмотрел на часы:

– Минут через сорок. Я схожу, переоденусь, заведу свой вездеход и подъеду! Ты тоже оденься соответственно. Работать, скорее всего, ночью или под утро будем, на берегу, в лесу холодно, а костер, сам понимаешь, разжечь не сможем!

– Ясно!

– Да, а камера-то у тебя приспособлена для ночной съемки?

– Приспособлена!

Николай посмотрел на товарища:

– Слушай, а для чего ты вообще ее купил? Ведь бабок отвалил, наверное, немерено?

– Дорогая штучка, что и говорить. Но я о такой давно мечтал. И снимать у нас тут в деревне вроде нечего, а мечтал. Как батя бычка перекупщикам сдал, так уговорил его, дал денег!

– Хоть что-нибудь снял?

– Конечно! Считаю, всю деревню на пленку запечатлел. Летом вот в Питер с женой собираюсь. Дружок-армеец зовет! Вот и снимаю в Северной столице, чтобы потом нашим дере-

венским Эрмитажи всякие показать. У нас-то кто в Питере был? Один дед Потап, да и то в войну. А все равно говорит – город красотищи неопишумой.

Николай поднялся:

- Ну ладно. Питер Питером, а мне пора!
- Давай. К приезду готов буду. Чемиргезику взять?
- Ни в коем случае. Иначе все дело загубим!
- Понял! Но потом обмоем?
- Потом обмоем. Пошел я.

Николай направился к деревне. От нее в дом родителей.

Наскоро перекусив, Горшков снял форму, достал из чемодана камуфляжный костюм, привезенный из Чечни. Обулся в берцы, на голову водрузил берет, подарок десантников. Пистолет с запасной обоймой переложил из кобуры в специальный карман. В другой сунул фонарь. Бинокль в футляре уложил в брезентовую сумку.

Мать, глядя на приготовления сына, спросила с тревогой:

- Уж не на войну ли ты опять, сынок, собрался?
- Да нет, мать! С пацанами из района в «Зарнице» приказали участвовать. Помнишь, и у нас раньше в школе игру такую проводили?
- Помню. И где играть собирались?
- На той стороне реки, в лесу.
- И когда вернешься?
- Утром.
- А зачем на игру пистолет с собой берешь?

Николай нашелся быстро:

- Показные стрельбы предусмотрены. Покажу пацанам, как стрелять из настоящего оружия.

Мать поверила. Спросила:

- Кормить-то вас на этой «Зарнице» будут?
- Будут, конечно, но ты закуски кой-какой все ж собери? Неудобно возле котлов с миской стоять!
- Соберу! Скоро поедешь?
- Через полчаса!
- На своем «УАЗе»?
- Ну не на лошади же?!
- Ладно. Сейчас, я быстро!

Мать ушла на кухню.

Николай, оставшись в горнице, осмотрел себя в зеркало. Печально улыбнулся. Камуфляж напомнил ему бойню в Чечне. Вздохнув, Горшков подошел к стене, на которой висела фотография личного состава его роты. Бойцы с офицерами снялись как раз перед тем, как отправиться к Косым Воротам. Тогда они даже представить не могли, ЧТО ждало их на безымянных высотах! Немногие уцелели в тех боях. Ох, немногие. Да и Колян сам чудом остался жив. Не подоспей Шах с десантом, лежать бы Коляну в земле сырой. Это как пить дать.

Вошла мать со свертком:

- Вот, Коль, собрала наспех провизии. Сальца положила, солонинки, лучка, хлеба, яичек. Может, мало?

– Хватит, мам!

Горшков принял сверток, положил его к биноклю:

- Ладно, мам, пошел я. Будут звонить из района, не подходи к телефону!
- Почему?

– Тебе это надо? У нас кадровик с чудинкой. Давно уж на пенсии должен прохладиться, но начальник держит в отделе. Так вот он совсем памяти не имеет. Забудет про командировку, начнет выпрашивать, где я. А объясняться с ним – проще со столбом поговорить. Все одно ни хрена не поймет. Ты же волноваться начнешь! Будешь думать, что я ни на какую игру не поехал, а бандитов ловить! Так что, как пойдет межгород, не отвечай. Если надо, меня по сотовому найдет! Договорились?

– А что остается делать? Только не на «Зарницу» ты, Коля, собрался, чует мое сердце. А его, сынок, не обманешь. Вы, как только тот бой начали, и никто о нем не говорил, ни по телевизору, ни по радио, а я уже знала – попал в беду мой Коленька!

– Мам! Перестань! И не волнуйся! Утром буду дома! С Тихонком пузырек по случаю воскресного дня раздавим!

– Ну, с богом тогда!

Горшков вышел из горницы.

Мать вслед трижды перекрестила сына, прошептала:

– Господи, спаси и сохрани его!

А Николай сел в «УАЗ» и направил вездеход к дому Рудина.

Тихон в охотничьем костюме с рюкзаком уже ждал товарища. Рудин запрыгнул в салон, и вездеход покатил дальше. Проехав по деревне, остановились напротив хаты Володина. Во дворе никого не было. Горшков посигналил. И только тогда дверь дома открылась, и по ступеням крыльца быстро сошел бывший уже браконьер. Он также был одет в утепленный костюм. Куртку нес в руке. Днем солнце прогрело воздух до плюсовой температуры.

Карасик сел на заднее сиденье, вздохнул тяжело.

К нему обернулся Тихон:

– Ты чего как телок вздыхаешь? Где «здрасьте»? Где настрой? Что за вид, будто тебя на плаху везут?

Володин поздоровался:

– Привет, – и добавил: – А вздыхаю потому, что поездка эта нам всем может боком выйти. Давайте лучше, пока не поздно, оставим это дело, а, мужики? Ну, балдеют чиновники с проститутками! Ну и хрен с ними! А рыба? Так та от параша разной, что в реку сливают, и без сетей дохнет, особля ближе к Переславлю! Одна дохнет, другая вылупляется! Круговорот! Жизнь!

Николай бросил через плечо:

– Так, Карась, заткнись и сиди молча! Да улыбку на рожу надень, смотреть на тебя противно. Дело твое второстепенное, подписать бумаги, главную работу выполняю я. И никто тебя не тронет. Потому как некому трогать будет! Шишкарям беспредельным свои задницы прикрывать придется, да не получится. Не до тебя им будет!

Володин пробурчал:

– Ага. Некому будет трогать. Скорее некого.

Тихон рявкнул на трусливого односельчанина:

– Да заткнись ты, в натуре, Мишка! Вот, бля, разнылся. Как баба. Сиди спокойно, не портить настроение!

Карасик промолчал, зная вспыльчивый характер Тихонка. Тот, если что, мог без лишних разговоров и в ухо захватить. Не так чтобы сильно, но обидно! Поэтому бывший браконьер предпочел закурить, глядя в окно милицейского «УАЗа».

До переката, точнее, до кустов, закрывающих проход к лужайке на лесном берегу, доехали за сорок минут. Николай, выбрав место, загнал вездеход в заросли.

Посмотрел на Володина:

– Далеко отсюда поляна?

Михаил объяснил:

– Нет! Прямо, за кустами, метрах в тридцати. Я лодку чуть спереди за бревном ставил. До него по прямой не более двадцати метров.

– Ясно.

Участковый взглянул на часы:

– Сейчас 11.05, когда веселая компания обычно здесь собирается?

Володин ответил:

– Хрен их знает! Часа в три-четыре, наверное, может, раньше.

Николай повторил:

– В пятнадцать или шестнадцать часов! Значит, поступаем так! Тихон, – обратился Горшков к другу, – бери с собой Карася – и дуйте на «УАЗе» к стоянке его плавсредств.

Володин тут же спросил встревоженно:

– Это еще зачем?

Николай объяснил:

– Затем! Перегонишь катер ближе к перекату и укроешь в заливчике, что недалеко отсюда. Нам твой «Варяг» может понадобиться. А я тем временем обследую местность. Надо найти позиции, откуда вести съемку, чтобы заснять как можно больше компрометирующего материала. Все, держи, Тихон, ключи, и вперед. По возвращении машину на место!

Горшков, покурив, двинулся к реке. Прошел берегом до открытой суши, откуда и началась поляна. Следы частого пребывания здесь веселых компаний угадывались без труда. Вот места стоянки лодок. Старая чешуя от крупной рыбы. Кучи угля, высыпанные из мангала, смятая трава там, где устанавливались палатки. Колея старой, заросшей дороги, ведущей сюда от Терхова.

Николай огляделся. Прошел до кустов, ближе к Семенихе. Прилег за одинокой березой. Отсюда можно снять практически все, что будет происходить на поляне, а вот реку не видеть. Чтобы заснять установку и проверку браконьерами сетей, необходимо сместиться к воде. И делать это придется по кустам. Следовательно, предстоит пробить тропу. И сделать это сейчас. Приняв решение, Горшков приступил к делу. Через полчаса тропа была готова, и выходила она в неглубокую яму, откуда прекрасно просматривался и берег, где чалились ночью лодки браконьеров, и довольно обширный сектор реки, в пределах которого удобно расставить сети. Закончив работу и оставшись довольным ее результатом, Николай вышел из кустов. И в это же время показался «УАЗ». Он въехал в укрытие. Хлопнули дверки, и перед лейтенантом предстал Тихонок:

– Порядок, Колян, перегнали крейсер!

– А где Карась?

– Сейчас подойдет, я не стал ждать, пока он закрепит трос катера.

– Хорошо. Идем, покажу тебе места, откуда будешь вести съемку.

Друзья пошли к берегу.

Вернувшись к машине, застали Володина, сидевшего на корточках и нервно курившего сигарету без фильтра. Тот, увидев Горшкова с Рудиным, поднялся.

Николай, подойдя вплотную, хлопнул его по плечу:

– Ну, чего приуныл, Карась? Это тебе не рыбу продавать.

Володин проговорил:

– Перед тем как продать, ее еще выловить надо! Вот ты думаешь, сети это так себе, кинул в реку и вытянул добычу! А ты бы сам хоть раз попробовал один сто метров проверить? И не только проверить. Сети поставить не каждый сможет, а смотреть, чтобы путанки не вышло, тем более. Рыбалка труд тяжелый. Я, чтобы заработать пару тысяч, наломаюсь поболее любого фермера!

Горшков усмехнулся:

– Ты гляди на него, переработался! А воровать, Карась, еще сложнее! Надо с объектом не ошибиться, пробить, когда в хате или где еще людей не будет, узнать, где и что ценное лежит, незаметно и бесшумно взломать двери или окна. При этом конкретно рискуя быть пойманным, а значит и гарантированно обеспечивая себе срок на нарах! Так что ты о своем ремесле не заикайся лучше! Что было, то прошло и более не повторится. По крайней мере, пока в Семенихе я участковый, понял?

– Чего не понять? Понял! Только чую, налетишь ты, Колян, на неприятности и выкинут тебя с участкового! Очень даже скоро. Сразу после того, как наедешь на вице-губернатора. Ты хоть и Герой, базара нет, но он все же посильней будет, хоть и чмо последнее. Потому как за ним власть, с твоей не сравнимая! Так что, может, пока не поздно, свалим отсюда? И все будет о'кей!

Горшков буквально пронзил Володина острым взглядом:

– Я... Карась, да будет тебе известно, никогда, слышишь, никогда и не перед кем не гнул. И мне насрать, кто здесь гулять будет, глава района, вице-губернатор или премьер-министр. Перед законом все равны! И я не допущу нарушения того, на охрану чего по должности назначен! И базары свои гнилые лучше завяжи, пока я тебя в «УАЗе» до нужного момента не закрыл!

Володин, казалось, с иронией выслушал лейтенанта.

– Какого закона, Колян? Который написан для тех, на кого ты наехать собираешься? Ну, давай, давай! Этот закон из тебя же сделает полное дерьмо.

Колян посоветовал односельчанину:

– Карась, заткнись! Прошу, не зли меня.

– Да я что? Я человек маленький, подневольный! Приказали, пошел, а вот ты – другое дело, но... молчу. Хочешь получить кучу проблем, получай, только предупреждаю, Колян, я подпишу твои протоколы, но, если от меня в прокуратуре потребуют отказаться от подписи, сразу говорю: откажусь!

Горшков сплюнул на траву:

– Тьфу, блядь, вот и работай с такими!

Тихон взял друга под руку:

– Да ладно тебе, Колян, не обращай внимания! Пусть отказывается. Я не откажусь, и пленка, – Рудин похлопал по камере, – свое дело сделает! Главное, чтобы ты сработал как надо. Не допустил ошибки или промаха. Остальное ерунда.

Николай взглядом поблагодарил Тихонка за поддержку и распорядился:

– Время – полпервого! Гости могут объявиться и раньше. Поэтому занимаем позиции.

Николай взглянул на Володина:

– Ты, Карась, останешься возле машины и ждешь моей команды. Как позову – подойдешь. Далее действуешь согласно распоряжениям. На «отдыхающих» не обращать никакого внимания! На угрозы не реагировать, другими словами, проявлять полное безразличие к их персонам, ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.